

РУБИ ДИКСОН

18+

ВАРВАРЫ

ЛЕДЯНОЙ ПЛАНЕТЫ

*Международный феномен
романтической фантастики*

Руби Диксон
Варвары ледяной планеты
Серия «Варвары ледяной
планеты», книга 1
Серия «Ромэнтези»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67860924
Варвары ледяной планеты: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146284-0

Аннотация

Меня похитили инопланетяне, и вы можете подумать, что хуже быть не может. Но будете не правы, потому что из-за проблем с кораблем им пришлось оставить человеческих женщин, включая меня, на ледяной планете.

Мы не приспособлены к жизни в этом изолированном месте, где царствует вечная зима. Поэтому я решаю отправиться за помощью.

Ну, помощь-то я нахожу... Большого синего инопланетянина. Вектал заявляет, что я его пара, его избранная женщина. Он поможет нам выжить, но из этого следует новая проблема.

Не уверена, что после всего этого он сможет меня отпустить.

Содержание

Глава 1	5
Джорджи	5
Вектал	50
Джорджи	53
Глава 2	59
Вектал	59
Джорджи	66
Вектал	78
Джорджи	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Руби Диксон

Варвары ледяной планеты

Ruby Dixon

ICE PLANET BARBARIANS

Copyright © 2015 by Ruby Dixon

© Ю. Павлушкина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

© Полина Dr.Graf, иллюстрация на обложке, 2022

В оформлении издания использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

Глава 1

Джорджи

До вчерашнего дня я, Джорджи Кэррутерс, не верила в пришельцев. Нет, возможно всякое, я не отрицаю. Но расскажи мне кто-нибудь на полном серьезе, что маленькие зеленые человечки кружат вокруг Земли на летающих тарелках и похищают людей, я бы решила, что он спятил.

Но это было вчера.

А что сегодня? Сегодня совсем другая история.

Полагаю, все началось прошлой ночью. Поначалу все шло как обычно. День я провела на работе, общаясь с посетителями через окошко банковской кассы, вечером вернулась домой, разогрела себе готовую еду, поужинала, пялясь в телевизор, и задремала на диване. Да, моя жизнь не похожа на праздник, но это был вторник, а вторники для работы, а не для развлечений, не так ли? Потом я пошла спать, и тут-то все и началось.

Мне снился очень странный сон. Не про то, как у тебя выпадают зубы или ты вдруг оказываешься голой перед всем классом – такими снами меня не удивишь. Нет, это был гораздо более зловещий сон – о потерях и одиночестве, о боли и холодных комнатах, залитых белым светом. Снилось, что я

иду по туннелю, вижу вдали огни приближающегося поезда, хочу поднять руку, чтобы заслониться, но рука, увы, меня не слушается.

На этом моменте я проснулась и зажмурилась от тонкого луча света, проскользнувшего мне по глазам. *Кто-то* светил мне чем-то в глаза? Я моргнула, пытаюсь сосредоточиться, и осознала, что это не сон и я вовсе не дома, а где-то еще...

Затем свет погас и раздался странный звук, напоминающий чириканье птицы. Глаза постепенно привыкли к темноте, я пригляделась и обнаружила, что меня окружают странные существа – маленькие зеленые человечки с огромными черными глазами, большими головами и тощими бледными руками.

И тут я закричала! Вопила так, будто меня убивают.

Один из пришельцев наклонил ко мне голову и издал уже знакомое чириканье, хотя его лицо при этом не двигалось. В следующий миг что-то горячее и сухое приложили к моим губам и удерживали, пока я не почувяла едкий запах. Черт! Неужели мне суждено вот так умереть? Я отчаянно хватала ртом воздух, пытаюсь дышать, но свет вокруг быстро померк, и я снова провалилась в сон.

На этот раз мне снилась работа. В стрессовых ситуациях мне всегда снится работа. В течение нескольких часов разъяренные клиенты банка кричали на меня, пока я вскрывала пачки двадцаток, которые, казалось, никак не хотели вскрываться. Но я была рада пересчитывать мелочь, лишь бы от-

влечься. Ненавижу сны о работе, но этот принес облегчение. Никаких поездов, никаких пришельцев, просто работа касиром в банке. С этим я могла справиться.

Так я оказалась здесь.

Я проснулась и пытаюсь понять, где нахожусь. Сажусь и осматриваюсь. В нос бьет запах канализации. Кажется, позади меня стена. Тело ноет от боли, голова кружится, руки и ноги отяжелели. Понятно, кто-то накачал меня наркотиками. Даже не кто-то, а *что-то*. Дыхание учащается, когда в сознании всплывает образ темноглазых пришельцев, я испуганно оглядываюсь. Нет, где бы я сейчас ни была, их тут нет. Слава богу!

Щурясь в полутьме, я пытаюсь разглядеть помещение. Кажется, это большая темная комната с черными стенами. Слабый оранжевый свет исходит от трубок, закрепленных на потолке, метрах в шести над головой. Это место похоже на грузовой отсек корабля из какого-то странного научно-фантастического фильма. Напротив меня шесть больших металлических труб, выстроенных вдоль стены, как шкафчики. Оранжевые и зеленые огоньки бегают вверх-вниз по этим трубам, подсвечивая какие-то завитушки и точки. Наверное, что-то вроде инопланетного письма. В дальнем углу виднеется дверь, однако добраться до нее не удастся, потому что я за металлической решеткой.

И здесь ужасно воняет. Это коктейль из запахов мочи, дерьма, рвоты и пота, от которого меня тошнит. Фу! Хочет-

ся прикрыть рот рукой, но она не слушается, и все, что мне удастся сделать, – немного пошевелить пальцами.

Поворачиваю свою тяжелую, одурманенную голову из стороны в сторону, продолжая осматриваться. И вдруг понимаю, что я здесь не одна. По эту сторону решетки есть и другие. В тусклом свете насчитываю семь, может быть, восемь фигур, которые лежат на полу, свернувшись клубочком и прижавшись друг к другу, как щенки. Начинаю подозревать, что я в какой-то тюремной камере или в клетке. Нет, в клетке было бы гораздо хуже. В камере хотя бы можно стоять...

По крайней мере, здесь нет пришельцев. Подступает паника, но я слишком вымотана. Это как получить дозу веселящего газа в качестве обезболивающего на приеме у стоматолога – совершенно не можешь сосредоточиться.

Обнаженное плечо болит, я с трудом потираю его пальцами и нащупываю на своей руке несколько шишек, которых определенно раньше не было. Нажимаю сильнее. Под кожей точно что-то твердое. Какого черта? Я пытаюсь разглядеть свою руку в темноте, но ничего не вижу. Образы пришельцев, луч света, направленный мне в лицо, кошмар и ужас – все это встает перед глазами, и меня накрывает. Из моей груди вырывается стон.

– Не кричи, – шепчет кто-то, касаясь моей руки.

Медленно поворачиваю свою тяжелую голову и встречаюсь взглядом с худенькой блондинкой примерно моего возраста. У нее длинные грязные волосы и большие глаза на то-

щем лице. Она оглядывается, а затем прикладывает палец к губам на случай, если я не поняла ее предупреждения.

Поняла, ладно, ладно. Я подавляю подступающий к горлу крик, киваю и стараюсь сохранять спокойствие. Не кричи, Джорджи, не кричи. Ты можешь держать себя в руках, у тебя получится.

– Ты в порядке?

– Да...

Говорить сложно, язык не слушается. И слюна вдруг начинает капать изо рта. Прекрасно, только этого не хватало. Пытаюсь своей отяжелевшей рукой вытереть рот.

– Извини...

– Все в порядке, – шепчет незнакомка, а меня опять накрывает. Она старается говорить тихо, чтобы не разбудить остальных. – Мы все просыпаемся тут немного с похмелья, *они* накачивают новеньких наркотиками. Это скоро пройдет. Я Лиз.

– Джорджи, – отвечаю медленно, по слогам, чтобы правильно произнести свое имя. Затем потираю руку и указываю на странные шишки. – Что происходит?

– Ну, тебя похитили инопланетяне. Думаю, что ты это и так знаешь.

Пытаюсь улыбнуться, но получается плохо, и все, что мне удастся – это снова пустить слюни.

Лиз подвигается ближе.

– Хорошо, давай посмотрим, смогу ли я ответить на глав-

ные вопросы, которые наверняка крутятся в твоей голове. Кто все эти люди? – Она жестом указывает на остальных, все еще спящих в клетке. – Это такие же, как и мы, жертвы пришельцев, похищенные по всему миру. Большинство американцы, но, кажется, есть кто-то из Канады. Ты уже двадцать вторая.

– Правда?

– Боюсь, что да. Дай угадаю: ты живешь одна, родственников поблизости нет, ты не беременна и у тебя нет серьезных заболеваний?

– Как...

– Потому что мы все в одной лодке, – мрачно говорит Лиз. – У каждой девушки, которую они выбирают, одна и та же история. Кроме Меган, она была беременна, на втором месяце. Но они почистили ее, как будто это обычное дело. – Лиз вздрагивает при этих словах. – Похоже, куда бы нас ни везли, им не нужны беременные девушки. Просто молодые и здоровые.

О боже! Подступает тошнота, и я с трудом сглатываю. Здесь ведь даже нет уборной. И теперь понятно, почему во круг пахнет нечистотами. От Лиз тоже исходит не самый приятный запах.

– Как давно ты... здесь?

– Я? Две недели. Кира здесь дольше всех остальных, только у нее есть наушник.

Я оглядываюсь, но не вижу ни на ком наушника.

– Это переводчик, – объясняет Лиз. – Но ты скоро сама все увидишь. Такой объем информации непросто переварить сразу, да? Хорошо, последнее. Видишь те трубы? – Она указывает на дальнюю стену и те металлические штуки, которые напоминают большие шкафчики. – Кира видела, что в них. Она сказала, что там такие же девушки, как и мы.

У меня перехватывает дыхание. Что? Еще девушки?

Лиз машет рукой, напоминая, что нам следует вести себя тихо, и я киваю, потирая свои зудящие шишки на руке.

Она оглядывается, чтобы убедиться, что никто не идет, потом пододвигается еще ближе. Теперь я сильнее чувствую запах ее тела, от нее пахнет потом, но это человеческий пот.

– Так вот... Кира рассказывала, что когда пришельцы ее похитили, они пытались наладить с ней контакт, но она, конечно же, ничего не могла понять. Тогда они вживили ей в ухо наушник, который переводит их речь. Подозреваю, у них был только один такой. Зато Кира теперь может переводить для всех нас.

– Вжи-ви-ли? – повторяю я в ужасе от одной только мысли.

– Ага. Пометили ее, как корову. – Лиз морщится. – Извини, я из Оклахомы, думаю, этот образ вызывает у меня больше эмоций, чем у тебя. Откуда ты родом?

– Орландо, – решаю сказать я. Не уверена, что смогу произнести «Флорида», не брызгая при этом слюной.

Она кивает.

– По всей стране людей похищают. В любом случае, из того, что Кире удалось понять, наши новые друзья – кто-то вроде контрабандистов. Угадай, чем они торгуют?

– Девушками?

– Ага. – Она снова указывает на шкафчики. – Я предполагаю, что изначально их целью было похитить шестерых, но дело так хорошо пошло, что они решили не останавливаться и втиснуть в грузовой отсек еще несколько десятков жертв, прямо как заправские бандиты. Кира говорит, что новенькая появляется каждые два дня или около того. Мы думаем, что они собираются упаковать нас, как сардины, а затем продать... Не знаю, кому-нибудь. Я вообще стараюсь не думать о том, что дальше. Когда начинаю, мне хочется кричать, и поверь мне, ты не хочешь знать, что происходит с теми, кто кричит.

О боже!

– Что?..

– Ты скоро сама все увидишь, – говорит Лиз с болью в голосе. – Просто знай, эти худошавые не выносят шума. Не забывай об этом, договорились?

Добавлю это к предыдущему предостережению.

– Договорились. А что с моей... рукой?

– Ты про эти шишки? У них есть какой-то врач, а то и ветеринар, кто его знает. Когда тебя только-только доставляют сюда, появляется он, вонзает в тебя кучу игл, вживляет какую-то серебряную штуку под кожу и уходит. Мне это напо-

минает работу ветеринара на ферме: он ставит прививки коровам и цепляет трекер им на ухо. Только нам трекер вживили в руку. Вот видишь, я снова сравниваю нас с коровами. Наверное, не стоит, да?

– Потому, что коров мы... едим, – бормочу я, пуская слюни.

Лиз фыркает.

– Да, так и есть. Но мне кажется, они слишком с нами возятся, чтобы просто съесть. Если только мы не какие-то деликатесы, чего я, конечно, не исключаю. Но... да.

– Да, – эхом отзываюсь я.

– Постарайся немного поспать, если сможешь, – бормочет Лиз, похлопывая меня по больной руке. – Сон – это практически единственное спасение, которое у нас есть. Наслаждайся им.

Эта Лиз такая оптимистка. Я обхватываю себя руками и замечаю, что на мне все еще пижама без рукавов, в которой я легла спать. Здесь не очень-то тепло и уютно. Как жаль, что я не надела просторную фланелевую пижаму в этот раз.

Подумать только, я не оделась должным образом для похищения пришельцами! Мои плечи трясутся от смеха, пока он не переходит в слезы.

Так что да, еще вчера я не верила в инопланетян. Но это было вчера.

Тихо плачу и засыпаю.

За следующие несколько дней на космическом корабле я кое-что выяснила.

Например, что здесь вообще нет туалета. Похоже, наши похитители не все продумали до конца, решив забрать кучу людей сразу. Нам приходится обходиться ведром в углу, отсюда и вонь. Чувство собственного достоинства? Уничтожено напрочь. Когда ждешь своей очереди у ведра для какашек, то постепенно теряешь то небольшое человеческое, что у тебя осталось.

Еще я узнала, что еда здесь – это крошечные батончики, которые на вид как сушеные морские водоросли и на вкус как дерьмо. Мы получаем по два таких в день. Вода? Она подается из какого-то крана в стене и напоминает мне кормушку для хомячков.

Рубцы на моей руке практически затянулись, осталась только небольшая шишка. Ощупывая ее и разглядывая руки других девушек, я предполагаю, что нам вживили какие-то электронные устройства слежения. Бирки для скота, как назвала их Лиз. Теперь это сравнение мне кажется чертовски уместным.

Я выяснила, что на корабле есть два типа пришельцев. Одни – тощие зеленые, которые, по-видимому, всем управляют, и вторые, у которых голова похожа на баскетбольный

мяч, отвечают за безопасность. Я называю их баскетбольными головами, потому что их шишковатые лысые черепа обтянуты шершавой оранжевой кожей. Эффект усиливает контраст с серыми обтягивающими костюмами, которые всегда носят пришельцы. Несмотря на комичное прозвище, баскетбольные головы наводят ужас одним своим видом. Они высокие, у них маленькие, как у насекомых, глазки с плотными веками, зубы как иглы, а на руках по три пальца. Маленькие зеленые человечки, которые издают птичьи звуки, не выше метра ростом или около того и редко появляются в грузовом отсеке. Что же до баскетбольных голов, то те постоянно тут, и все их боятся.

Я выяснила все это на следующее утро. Хотя вполне возможно, что был уже день, когда я проснулась и увидела, что все остальные уже не спят. Кажется, одурманивающее действие наркотиков закончилось. Я беззвучно подавила зевок, потому что тишина – это хорошо. Потребовалось мгновение, чтобы понять, что все пятятся в дальний конец клетки, стараясь держаться подальше от прутьев. Волосы у меня встают дыбом, и я повторяю за остальными. Я хочу спросить, что происходит, но как только открываю рот, Лиз молча качает головой, глядя на что-то через мое плечо.

Оборачиваюсь и вздрагиваю при виде пришельца с баскетбольной головой, смотрящего на меня через решетку. Снова вздрагиваю, когда он злобно ухмыляется мне, и подвигаюсь ближе к остальным.

– Не кричи, – шепчет кто-то предупреждаяще.

Боже, это сводит меня с ума! Киваю. Ни за что не издам ни звука.

Баскетбольные головы в комнате весь день, как будто выжидают чего-то, я даже боюсь представить чего. Мы сидим в углу клетки. Через несколько часов в комнату заносят еще одну девушку без сознания. Никто даже не пытается бежать, когда дверь клетки открывается. Мы просто сидим и смотрим, как пришельцы запихивают новую девушку к нам и снова закрывают дверь.

Я догадываюсь, почему никто не хочет попытаться вырваться: куда нам бежать? Да и последствия непослушания, должно быть, ужасны, потому что все в клетке до чертиков напуганы баскетбольными головами. Кто-то хватается новенькую за руку и пытается подтащить ее ближе к нам. Она примерно моего возраста и у нее красивые рыжие волосы. Замечаю, что баскетбольные головы продолжают подходить к клетке и обсуждать новенькую на своем странном ломаном языке, время от времени жестикулируя. Затем они смеются пронзительным жутким смехом, который действует на мои уже порядком измотанные нервы.

Похоже, они делают ставки на новенькую.

Через несколько часов она просыпается. В этот момент я сижу рядом с Лиз и выхожу из ступора, как только новенькая резко вдыхает. Потом она громко всхлипывает, ее глаза расширяются от ужаса.

– Не кричи, – шепчет кто-то.

Непонятно, кто это был, но сейчас все думают так же.

Однако рыжая нас не слышит. Она оглядывается, паника охватывает ее, и она начинает кричать. Пронзительный вопль волной прокатывается по отсеку. Девушка не останавливается даже тогда, когда другие машут руками и пытаются ее успокоить. Она в истерике, ее крики становятся все громче, она извивается и отбивается от наших объятий.

Что-то пищит над головой. Все остальные в клетке замирают. Странное чириканье из интеркома наполняет воздух.

Один из баскетбольных голов касается светящейся панели и издает булькающий звук в ответ. Другой подходит к клетке и открывает дверь, в этот момент толпа девушек отступает.

Вот она, свобода, но никто не делает и шага.

Рыжая в ловушке. Надо отдать ей должное, она настоящий боец – извивается и отбивается, выкрикивая непристойности по-французски и взывая о помощи всякий раз, когда пришельцы к ней прикасаются. Все остальные тихо сидят и наблюдают.

Я не могу этого больше выносить. Хочу встать, чтобы помочь новенькой, но Лиз хватает меня за ногу.

– Не надо, – шипит она. – Не привлекай к себе внимания, Джорджи, поверь мне.

Несмотря на то что все мое нутро противится бездействию, я тоже в ужасе и так ни на что и не решаюсь. Проще снова сесть вместе с моими товарками по несчастью. Сидеть,

ждать и смотреть, что бывает, когда кто-то не подчиняется негласному приказу соблюдать тишину. И я уже ненавижу себя за это.

Рыжую между тем тащат к тому, что я приняла за стол для осмотра. В ужасе наблюдаю, как один из пришельцев прижимает к ее рту какую-то маску. Крики прерываются, и я понимаю, что они надели на нее что-то вроде намордника. Сжимаю зубы, меня тошнит. Руки девушки вытянуты над головой и уже привязаны шнуром к дальнему концу стола, ее бедра и ноги свисают с края стола, и я начинаю представлять себе худшее.

Она продолжает брыкаться и дергаться, когда один из инопланетян срывает с нее юбку.

– Не смотри, – шепчет мне Лиз.

Но я смотрю. Кто-то должен смотреть. Кто-то должен это увидеть.

С болью в сердце наблюдаю, как рыжая сопротивляется и пытается вырваться. Первый пришелец одним касанием расстегивает униформу, а его друг в это время уже взбирается на бедную девушку, явно насмехаясь над ней.

Я не плачу, я смотрю глазами, полными ненависти, как они смеются и взбираются на нее снова и снова. Кажется, это длится вечно. В какой-то момент она перестает сопротивляться и обмякает. Надеюсь, она потеряла сознание, надеюсь, она ничего не вспомнит.

Лиз сжимает мою руку.

– Кира говорит, у них есть разрешение от зеленых на то, чтобы таким образом «дисциплинировать» любую непослушную пленницу.

Киваю и, наконец, отвожу взгляд. Пришельцы переговариваются на своем странном языке и снова меняются местами. Полагаю, что к этому моменту новенькая полностью «дисциплинирована». Я хочу закричать, но это запрещено. Впиваюсь ногтями в ладони и разглядываю бледные лица в одной клетке со мной, пытаюсь понять, кто из них Кира. Девушка с шелковистыми каштановыми волосами плачет в дальнем углу клетки, прижав руки к ушам, как будто ей невыносимо слышать что-то ужасное. Это, должно быть, Кира. Ведь рыжая больше не кричит, слышна только болтовня баскетбольных голов. И она единственная может их понять благодаря устройству, вживленному в ухо. Пробегаю взглядом по лицам остальных – все в шоке, отводят глаза. У одной девушки на лице застыло выражение ужаса, и я невольно задаюсь вопросом, была ли она тоже «крикуньей», но понимаю, что не хочу этого знать. Зажмуриваюсь, пытаюсь отрешиться от происходящего, представить, что все это нереально, и если ущипнуть себя за руку достаточно сильно, все пройдет, я проснусь.

Но внезапно я вспоминаю лицо рыжей в тот момент, когда ее насилуют. Вспоминаю, как баскетбольная голова усмехается и болтает, насилуя девушку, как будто в этом нет ничего необычного, как будто это типичный день в офисе с кулером

для воды.

Лиз права: мы не что иное, как скот для этих тварей. Они собираются продать нас кому-нибудь, чтобы те нас изнасиловали, или съели, или сделали что-то еще более ужасное, чего я даже представить себе не могу.

Но я не собираюсь мириться с судьбой. Я крепко скрещаю руки на груди, подтягиваю ноги и изучаю все вокруг, осматриваю каждый укромный уголок, каждую щель в стене, пытаюсь определить, можно ли использовать хоть что-то в качестве оружия, потому что я убью этих мерзких грязных ублюдков, если они хоть раз попытаются ко мне прикоснуться.

* * *

В течение следующей недели на борту корабля больше не появляются новенькие, и я начинаю подозревать, что мы «укомплектованы». Это хорошо, учитывая, что в нашей клетке становится все теснее и теснее. После того как Доминик – рыжая, над которой надругались, втиснулась к нам, мы чувствуем себя как сардины в банке. Но никто не торопится жаловаться.

Мы с Лиз тихо разговариваем по ночам, когда охранники уходят. Должно быть, корабль летит далеко в космос, потому что в последние несколько дней уши постоянно закладывает, и мы подозреваем, что начали двигаться на большой ско-

рости.

И мы не знаем, что с этим делать.

– Начнем с убийства охранников, – говорю я Лиз и Кире. – Похоже, у маленьких зеленых человечков баскетбольные головы выполняют всю грязную работу. Думаю, если избавимся от оранжевых, есть шанс заставить зеленых вернуть нас на Землю.

– В твоем плане есть крошечный изъян, – замечает практичная Лиз, указывая на решетку. – Мы на этой стороне, а они на той, с оружием.

– Мы должны сделать что-то, что заставит их открыть дверь, – раздается тихий голос Киры в темноте. – Можно подождать, пока появится новая пленница, но...

– Да, – задумчиво откликаюсь я, и мой взор падает туда, где Доминик сидит в одиночестве, забившись в угол. Она не в себе с тех пор, как они вернули ее в клетку. Сейчас девушка немного притихла и проводит часы напролет, кусая кулаки, а слезы так и льются по ее лицу. Она сопротивляется любым попыткам подружиться с ней или успокоить. На это нужно время и терпение, а поскольку мы все заперты в клетке размером с чулан, с терпением у нас не очень.

Я снова смотрю на мрачные лица Киры и Лиз и продолжаю напряженно размышлять.

– Что, если мы все прикинемся больными, когда они придут нас кормить в следующий раз?

– Это будет не так уж и сложно, – соглашается Лиз. – Ба-

тончики из морских водорослей чертовски противные.

Но Кира качает головой.

– А что, если они решат просто выбросить нас за борт, раз уж мы все больны? Не забывай, что у них уже есть шесть основных девушек в капсулах, а мы для них просто мусор. – Кира указывает на шкафчики в противоположной части комнаты.

Я все время думаю о девушках в капсулах. Даже не знаю, завидую ли я тому, что они совершенно не знают, что происходит, или, наоборот, ужасаюсь, через что им придется пройти при пробуждении. Но Кира права, девушки в капсулах сейчас в безопасности, и их безопасность обесценивает нас в глазах пришельцев. Я не хочу добавлять порчу капсул в план побега и не хочу бросать их. Нам просто придется позаботиться обо всех.

– Ладно, – размышляю я вслух, – что, если мы закричим? Кира нервно сглатывает.

– Этот вариант меня пугает.

Она смотрит через мое плечо на Доминик и вздрагивает.

– Мне он тоже не нравится, – говорю я. – Но наши возможности ограничены. Один «непослушный» гарантирует безопасность всем остальным, верно? Мы привлечем их внимание, заставим открыть дверь и...

– И? – интересуется Лиз. – Что? Будем изнасилованы?

– Нет. – Я гоню от себя эту мысль. – Нам нужно как-то отвлечь их внимание. Мы можем наброситься на них, когда

они откроют дверь, ведь нас больше.

– Но они вооружены, – напоминает Кира.

– Но если мы все набросимся...

– Тогда подстрелят тех, кто бросится первыми – говорит Лиз. – Я хочу вырваться, но не хочу умирать. Уверена, другие тоже. Мы ведь не бойцы, Джорджи, никто из нас.

– А разве у нас есть выбор? – протестую я. – Мы можем оставаться послушными маленькими рабынями и все равно быть изнасилованными и проданными бог знает куда и для чего. Если будем сопротивляться, у нас по крайней мере появится шанс.

– Да, ты права. – Лиз подтягивает колени к груди и размышляет вслух: – Итак, мы отвлекаем их, заставляем открыть дверь, бросаемся на них, отбираем оружие и берем контроль над ситуацией. Нам только нужно убедиться, что Кира в безопасности.

– Я? – удивленно спрашивает Кира. – Почему?

– Потому что только у тебя есть переводчик, – решительно отвечает Лиз. – Если тебя подстрелят, мы не сможем убедить их развернуть корабль и вернуть нас на Землю, не сможем с ними контактировать.

Она права. Наконец я решаюсь:

– Раз это мой план, то и отвлекать придется мне.

– Ты уверена?

Боже, конечно же нет! Каждая клеточка моего тела трепещет от ужаса при мысли о том, что эти шершавые могут до

меня дотронуться. Но что остается? Устроиться поудобнее и ничего не делать? Прогнуться и позволить этим существам решать мою судьбу? Да пошло оно!

– Я сделаю это.

Будто бы в подтверждение моих слов в эту секунду корабль качнуло. Мы все упали на пол, но никто, конечно, даже не вскрикнул. Все всё понимают.

* * *

Уже второй раз за день корабль трясет. Турбулентность немного нелепа, учитывая, что мы в космосе. Разве полет не должен быть ровным? Мой желудок подпрыгивает вместе с кораблем, но я не обращаю внимания.

Пора действовать.

Я смотрю на охранника, расхаживающего у решетки. Наступило, что называется, «время отхода ко сну», когда мы получаем последний батончик морских водорослей и охранникам надоедает нас донимать. Тут они обычно меняют наше ведро, а затем уходят.

Но сегодня все по-другому. Наш «туалет» почти заполнен, но никто не спешит его с этим что-то делать. Из интеркома продолжает доноситься чириканье. Охранник в комнате с каждой минутой выглядит все более взволнованным.

Все это время корабль продолжает трясти.

– Что происходит? – шепчу я Кире, пока мы наблюдаем

за охранником. – Где другая баскетбольная голова?

– Не знаю, – признается она, прижимая руку к уху с переводчиком. – Некоторые слова не поддаются переводу или я просто не знаю, что они означают. Кажется, с двигателем что-то не так. Они все время говорят о том, чтобы снять груз и оставить его в безопасном месте.

У меня холодеет внутри.

– Но груз – это мы.

Кира морщится.

– Я знаю. По всей видимости, пришельцы не успеют на встречу с заказчиком, если сделают остановку, поэтому пытаются найти выход из ситуации.

– Это наш шанс, – шепчу я, глядя на одинокого охранника. Он один, обычно их двое. Мое тело напрягается от этой мысли. Если сначала избавимся от этого, то потом придется иметь дело только с одним. Так мы увеличим шансы на победу. А если мы завладеем его оружием...

– Думаю, мы должны придерживаться плана, – тихо замечаю я, когда охранник снова начинает расхаживать.

– Я не знаю, – откликается Кира, кусая губы. Лиз кивает мне.

– Начинаем, – шепчу я остальным в клетке. Девушки выглядят смущенными, но расступаются, чтобы пропустить меня. Раз я хочу стать жертвенным ягненком, они не будут мне мешать.

Итак, я набираюсь храбрости, направляюсь к решетке и

просовываю лицо между прутьями.

– Привет!

Охранник не оборачивается, он продолжает расхаживать по комнате, его взгляд направлен к потолку, как будто он ожидает, что сейчас раздастся еще один из этих странных щебечущих приказов.

Пробую еще раз:

– Привет. Посмотри сюда!

Удивительно, но охранник снова не обращает на меня внимания. Обычно они ищут любой повод, чтобы наказать нас. На прошлой неделе я видела, как изнасиловали еще одну девушку только потому, что она кричала во сне. Пробую новую тактику: набираю побольше слюны и плюю со всей силы. Плевок приземляется прямо на большую лысую голову охранника, и он замирает. Затем поворачивается, пристально смотрит на меня, тут его маленькие рыбки глазки округляются, и он решительно идет через комнату к нашей клетке.

– Отличная работа, Джорджи, – бормочет Лиз.

Делаю глубокий вдох и киваю. Мне не нравится все происходящее, но выбора нет. Я отступаю к задней части клетки, как мы и планировали. Теперь охраннику придется войти, чтобы добраться до меня, и пока другие девушки будут меня прикрывать, я доберусь до ведра с дерьмом. Наш план заключается в том, что я вылью на охранника дерьмо, чтобы отвлечь его, а остальные воспользуются моментом и набросятся. Мы повалим его и отберем оружие. Конечно, никто

не знает, как стрелять из инопланетного оружия, но отобрав его, мы, считай, выиграем битву.

С трудом поднимаю ведро с дерьмом, насколько оно тяжелое и насколько я слаба и обессилена из-за ужасного пайка, который нам дают. Я пошатываюсь под тяжестью ведра и морщусь, когда что-то брызгает через край мне на руку. Да и черт с ним.

Охранник рычит что-то похожее на ругательство и отпирает клетку. Забыв о нашем плане, испуганные девушки отступают и жмутся друг к другу, оставляя меня одну с ведром дерьма и глупым выражением на лице. Охранник уже тянется ко мне, я хочу бросить в него ведро, но оно слишком тяжелое, не поднять. В итоге я проливаю половину содержимого. Пришелец хватается меня за руку, его пальцы впиваются в мой бицепс, я вскрикиваю. Оказывается, его кожа не только уродливая, еще и шершавая и царапает меня, как наждачная бумага.

Охранник, ругаясь, тащит меня к решетке.

– Нет! – кричит Лиз, хватая меня за другую руку, в то время как я пытаюсь высвободиться из его железной хватки. А как же наш гребаный план? Почему все остальные сбились в кучу, как напуганные кролики? Смотрю на Киру, вторую мою поделницу, но она наклонила голову набок и уставилась в потолок с забавным выражением лица. Слабое чирикание доносится сверху.

– Отстыковка начинается? – переспрашивает Кира расте-

рянно.

В следующее мгновение корабль резко наклоняется, и мы подлетаем в воздух. Меня отбрасывает в другой конец комнаты прямо на шкафчики, и я приземляюсь так, что дыхание перехватывает.

Кажется, теперь все окончательно перевернулось с ног на голову. Отсек наполняется криками девушек, мне на руки попадают какие-то брызги, ведро с остатками помоев пролетело над головой. Затем все замирает, свет гаснет, мы остаемся в темноте.

И тут загорается красная лампочка. О, это нехорошо. Красный свет – всегда аварийный, не так ли? Теперь уже по красной комнате летают шарики дерьма, а позади меня кто-то барахтается в воздухе. Гравитация пропала. Какого черта?

Отчаянно пытаюсь сфокусироваться, когда что-то пронесется над моей головой. Черное, продолговатое, с широким основанием.

Пистолет.

Святые угодники! Отталкиваюсь от стены и плыву к пистолету по воздуху. В этот момент гравитация возвращается, и я падаю на пол, накрыв собой пистолет.

В нескольких метрах от меня падает и охранник. Все это время птичье щебетание раздается в интеркомах. Хватаю пистолет и ищу спусковой крючок, пока охранник стонет и трясет головой, очевидно, пытаюсь прийти в себя. Нет курка, вот блин! Ну ничего, сойдет как дубинка. Ухватившись

за широкое основание, замахиваюсь и бью охранника по голове.

Раздается треск.

Охранник взмахивает руками.

Я не останавливаюсь, бью его снова и снова. Еще треск. Продолжаю бить его прикладом по голове, хотя он уже не двигается. А что, если у него гранитный череп, и он перевернется и набросится? Поэтому просто продолжаю бить.

Чьи-то руки хватают мои и крепко держат.

– Джорджи! Эй, Джорджи, успокойся. Думаю, он мертв, – голос Лиз прорывается сквозь мое затуманенное сознание. – Остановись.

Постепенно прихожу в себя и вижу сначала ее, потом охранника, точнее то, что от него осталось. Его голова – сплошное месиво. Меня выворачивает.

– Ты сделала это, – кричит Лиз, похлопывая меня по спине. – Черт возьми, ты сделала это, Джорджи! Ты гребаная задира!

Но я не чувствую себя такой крутой. Меня тошнит. Я только что убила человека. Кого-то вроде человека. Определенно насильника, но все-таки он живое существо. Был живым существом.

Мой желудок снова скручивает, я хочу вытереть рот тыльной стороной ладони, но останавливаюсь. Воняет канализацией. Фу! И я, и все помещение забрызгано дерьмом.

– Что, черт возьми, случилось?

– Не знаю, – отвечает Лиз, помогая мне подняться.

Все тело болит, ребра ноют в том месте, где я приземлилась на пистолет. Но я сжимаю его крепко. Мне все равно, покрыт ли он дерьмом, мозгами или чем-то еще – теперь он мой.

Из громкоговорителя раздается металлический свист, у меня закладывает уши. Лиз тоже зажимает уши, мы удивленно переглядываемся.

Кира выбегает из клетки.

– Девушки! У нас серьезные проблемы. В сообщении говорится: «Приготовиться к повторному входу в атмосферу». Кажется, это означает, что мы падаем!

Черт!

Мы снова подлетаем в воздух. Я делаю сальто, ударяюсь о шкафчики головой, и все погружается в темноту.

* * *

– Эй, – слышу знакомый голос. – Эй, очнись! Ты в порядке, Джорджи?

Медленно прихожу в себя. Острая боль пронзает голову. Мгновение спустя ноет уже каждая часть моего тела, больше всего запястье. Оно пульсирует огнем, который, кажется, доходит до самого локтя. Фокусируюсь на лице Лиз, когда она склоняется надо мной.

– Ох!

Она улыбается в ответ, показывая распухшую губу и синяк на щеке.

– Ты жива, это всегда плюс. – Она садится на корточки и протягивает мне руку. – Можешь сесть?

С ее помощью я сажусь, сидячее положение только обостряет боль.

– Что случилось?

– Мы совершили аварийную посадку. Большинство девчонок вырубилось, пока нас швыряло по отсеку. У кого-то сломаны кости, у кого-то разбиты носы, и есть двое, которые не выжили.

Я в шоке смотрю на нее, затем оглядываю комнату.

– Два человека... погибли? Кто?

– Помимо охранника, с которым ты свела счеты, Крисси и Пег. Похоже, у них сломаны шеи. – Она кивает в дальний конец комнаты. – Бедняжки.

В горле образуется ком. Я не знала их близко, но мы вместе переживали страх и ужас. Сейчас я просто рада, что жива, и обнимаю Лиз. На мгновение мы испытываем облегчение только от того, что еще дышим и почти целы. Бросаю взгляд через ее плечо, замечая, что весь грузовой отсек наклонен. Металлический пол покрыт обломками и на ощупь холодный как лед. С помощью Лиз встаю на ноги, пошатываясь, и оглядываюсь по сторонам.

Две девушки прижимаются друг к другу в углу, Меган обнимает Доминик и пытается успокоить ее, последняя захле-

бывается рыданиями. Другие все еще лежат на полу без сознания. Вижу два тела, сложенные в углу рядом с мертвым охранником. Темные волосы Крисси падают ей на лицо. Это к лучшему. Я отвожу взгляд. В стороне Кира пытается помочь другой девушке выпрямить явно сломанную ногу. Лицо Киры в синяках, из уха с имплантом течет кровь.

Все выглядят избитыми, в синяках и ранах. Осматриваю свои ноги – они, кажется, в порядке. Однако ребра словно огнем горят, а запястье распухло и становится фиолетовым.

– Кажется, я сломала его.

Осторожно поворачиваю запястье и почти теряю сознание от ударной волны боли, которую оно посылает по моему телу.

– В таком случае ты больше не будешь бить инопланетян, – шутит Лиз. – Если и не сломала, то сильно потянула. Ты бы видела пальцы на моей левой ноге! Они тоже выглядят ужасно. Кажется, они пытались от меня убежать и потерпели неудачу.

Я скептически смотрю на нее.

– Тогда почему ты в таком хорошем настроении?

– Потому что мы свободны! – с энтузиазмом говорит она. – Мы свободны, черт возьми, и мы где-то приземлились. Думаю, это уже лучше, чем то, что было раньше.

– Откуда ты знаешь, что мы приземлились?

Лиз ковыляет ко мне, придерживая ногу.

– Потому что пол наклонен и холодный. И еще из-за это-

го. – Она указывает на что-то позади меня.

Поворачиваюсь и смотрю вверх. Кажется, наш отсек оторвался от корабля, и в обшивке осталась длинная узкая щель. Сквозь эту щель внутрь проникает слабый свет и сыплется что-то похожее на снежинки. Я подхожу ближе, пытаюсь разглядеть.

– Это что, снег?

– Он самый, – радостно отвечает Лиз. – А раз мы не задыхаемся от метана или чего-то еще, значит, сюда поступает кислород.

Смотрю вверх с надеждой, затем поворачиваюсь к Лиз, полная волнения.

– Думаешь, мы каким-то образом вернулись на Землю?

– Вряд ли, – говорит Кира, ее мягкий голос прерывает мои радостные мысли. Оборачиваюсь на нее и вздрагиваю. Она выглядит плохо: левая сторона худого бледного лица окровавлена, в одном глазу лопнул кровеносный сосуд, и она тоже прихрамывает, колено опухло.

– Откуда ты знаешь, что мы не на Земле? – спрашиваю я, отказываясь терять надежду. – Где еще можно найти и снег, и кислород? Мы могли приземлиться в Канаде, например.

– Могли. Но я слышала через эту штуку, – говорит она, указывая на окровавленный наушник, все еще прикрепленный к ее уху, – что они решили оставить нас в безопасном месте и забрать на обратном пути.

Лиз хмурится и скрещивает руки на груди.

– Забрать на обратном пути? Значит, они высадили нас здесь, чтобы мы посидели день-другой, пока нас снова не заберут? К черту это!

– Я не знаю когда, – замечает Кира мрачно. – Обсуждая это место, они определенно не имели в виду Землю, но упоминали о каком-то облаке частиц. Единственное облако частиц, которое я помню из уроков естествознания, есть на краю нашей Солнечной системы: облако Оорта¹. И раз у нас все еще более чем достаточно света, – продолжает она, указывая на щель в корпусе, – то мы даже не приблизились к Плутону. Так что я не думаю, что мы на Земле. Более того, я не думаю, что мы в пределах нашей Солнечной системы.

– Теперь понятно, – откликается Лиз печально.

А я все еще не теряю надежды. Глядя на снег, падающий через трещину, трудно не поддаться эмоциям. Они забрали нас из дома, не так ли? Там как раз зима. Они могли высажить нас в Антарктиде. Сейчас я бы предпочла Антарктиду неизвестной планете.

– Я не хочу здесь оставаться и ждать, пока они вернуться.

– Я тоже. – Кира вздыхает и морщится, потирая плечо. – Но все пострадали. Не знаю, как быстро мы сможем передвигаться и безопасно ли это. Возможно, прямо сейчас мы дрейфуем в ледяном океане, кишашем акулами-людоедами.

¹ Облако Оорта – гипотетическая сферическая область из ледяных объектов в самых отдаленных уголках Солнечной системы. Названа в честь астронома Яна Оорта, который первым теоретизировал его существование.

– Боже правый, да ты просто лучик света в конце туннеля, – фыркает Лиз, уставившись на Киру.

– Прости. – Кира морщится, прижимая ладонь ко лбу. – День был адский, и у меня ощущение, что дальше будет только хуже.

Кира выглядит такой печальной, что мне хочется ее обнять. Я отказываюсь падать духом. Один охранник уже мертв, у нас его пистолет, и сейчас мы далеко от наших похитителей.

– Все будет хорошо, – радостно заявляю я. – Мы что-нибудь придумаем.

– Может, раздобудем еду? – доносится голос Меган. – Очень хочется есть.

– Еда – хорошее начало, – соглашаюсь я, кивая в сторону Лиз. – Давайте посмотрим, что нам оставили зеленые человечки на время, пока мы дожидаемся их возвращения.

Час спустя ситуация проясняется, но выглядит не так оптимистично. Мы нашли запас батончиков на неделю, воды хватит примерно на столько же, но больше ничего нет.

У охранника, которого мы убили (точнее, я убила) не было при себе ни дополнительного оружия, ни одежды. Мы перерыли всю комнату, колотили по стенам, пытались найти скрытые отсеки, но так ничего и не обнаружили. Единственной находкой стал толстый лист чего-то вроде пластмассы, но он оказался недостаточно гибким для того, чтобы его хоть как-то использовать.

– Бьюсь об заклад, Робинзон Крузо был в куда более выгодных условиях, чем мы, – шутит Лиз.

Я не читала «Робинзон Крузо», но могу поверить.

Очевидно, что мы не подготовлены к тому, чтобы вступить в борьбу за выживание. В нашем распоряжении нет ровным счетом ничего, а в отсеке с каждой минутой становится все холоднее из-за щели в корпусе и проникающих сквозь нее снега и ветра.

– И все же я не понимаю, – говорит Лиз, протягивая нам несколько батончиков из морских водорослей. – Ты не думаешь, что они должны были оставить нам больше припасов, если хотели, чтобы мы сидели и ждали?

– Не забывай, мы только массовка, – отвечаю я, отмахиваясь от своего батончика. Пусть лучше его съест кто-то другой, мой желудок и так уже достаточно расстроен. – Они целы и все еще в идеальном состоянии, это главное. А им еда не требуется. – Я указываю на шкафчики.

Так и есть.

– Может, нам стоит их разбудить?

Мысль о группе девушек всего в нескольких шагах от меня, пребывающих в анабиозе и не понимающих, что происходит, действует мне на нервы. Если бы я совершила аварийную посадку черт знает где, разве не хотела бы быть в курсе?

– Ну уж нет, – возражает Лиз. – Откуда нам знать, что они в курсе происходящего? Все, что им известно: они сладко спят в своих кроватях, а маленьких зеленых человечков не

существует. Хотела бы ты проснуться и оказаться среди всего этого? А еще мы тут застряли и нам нечего есть.

– Ты права.

Оглядываю пустую комнату в раздумьях, постукивая бо-сой ногой.

– Так что же нам делать? – спрашивает Кира, подходя к другим девушкам, сбившимся в кучу, чтобы согреться. Она выглядит совсем измученной.

Лиз смотрит на меня в ожидании.

Я что теперь, лидер? Вот дерьмо. Но... кто-то должен им быть. Долго обдумываю наши варианты, ведь ни у кого больше нет никаких идей.

– Ну, если мы находимся на планете с кислородом, можно предположить, что здесь есть живые существа. Я не очень разбираюсь в науке, но если на Земле могут существовать разные формы жизни, разве не логично, что и на этой планете тоже? Вполне вероятно, мы сейчас находимся рядом с каким-нибудь населенным пунктом.

– Населенным пришельцами, – бормочет кто-то.

– Верно, – соглашаюсь я. – Но оставшись здесь, мы умрем с голоду или замерзнем. Сейчас светит солнце, но мы не знаем, сколько у нас времени до ночи...

– Или как долго продлится ночь, – добавляет Кира.

– Иногда лучше держать мысли при себе, – говорит ей Лиз. – Это я так, к слову.

– По крайней мере, нам нужно разведать обстановку, –

продолжаю я. – Выясним, где мы находимся, поищем еду, воду и вернемся.

– Но большинство из нас ранены, – фыркает одна из девушек, Тиффани. Она выглядит так, словно ее только что забрали с фермы, и очень напугана. Некоторые из нас переносили заточение с мужеством, а некоторые полностью сдались. Тиффани относится ко второй категории.

– Тебе следует пойти, Джорджи, – вмешивается Лиз.

– Мне?

– Ты в некотором роде наш лидер.

Боже, да я не единственная, кто так думает. Поднимаю взгляд на снег, падающий сквозь трещину в отсеке. Кажется, снаружи холодно, а я в пижаме с коротким рукавом...

– Как я могу быть лидером? Я практически последняя, кого взяли. После меня в плен попала только Доминик.

– Да, но у тебя много идей, и это ты убила охранника. Кире нужно остаться здесь на случай, если пришельцы вернуться, потому что у нее есть переводчик, а у меня вывихнуто колено, я далеко не уйду. Кроме того, ты хорошо владеешь оружием. – Лиз смотрит на меня, хлопая ресницами.

– Ты имеешь в виду, хорошо выбиваю мозги?

– Эй, ты справилась лучше, чем все мы, Джорджи. Серьезно. – Она бьет кулаками по воздуху, притворяясь, что боксирует. – Хочешь, я напою тебе «Глаз тигра»² или что-нибудь

² «Eye of the Tiger» – песня американской группы Survivor, саундтрек к фильму «Рокки».

еще, чтобы ты взбодрилась?

– Ну спасибо.

Надо бы расстроиться, меня ведь только что сделали добровольцем. Но в глубине души я уверена, что все правильно. Кроме Киры и Лиз, остальные не годятся на роль лидера. Все ранены. Конечно, и у меня сломано запястье и болят ребра, но... сейчас всем больно. Лиз хромает, и у Киры что-то с ногой, а остальные вовсе не в состоянии взять себя в руки. Хочу ли я доверить свою судьбу другому и надеяться, что он сможет что-то разведать?

– У кого-нибудь из присутствующих был опыт выживания?

В ответ тишина. Кто-то шмыгает носом, пытаясь сдержать слезы. Да, никто не подготовлен. Рядом Лиз напевает «Глаз тигра». Бросаю на нее косо́й взгляд.

– Ладно, ладно. Если я собираюсь выйти, мне понадобится пара батончиков, пистолет и немного воды.

– У нас нет емкостей для воды, – отмечает Лиз. – Просто ешь снег.

– Только не желтый, – язвительно замечает кто-то.

«Ну конечно, теперь, когда я собираюсь на разведку, все заделались комиками», – ворчу я про себя, потом вытягиваю ноги и ошупываю запястья и ребра, стараясь не обращать внимание на боль. Вариантов у нас больше нет.

– Ладно, думаю, как-нибудь проберусь через дыру в крыше. Но мне нужна одежда, – заявляю я, разглядывая свою

грязную короткую пижаму. – Эта совсем не годится.

– Я знаю, где можно достать хорошую теплую одежду, – говорит Лиз и указывает на мертвого охранника.

– Фу! – отвечаю я, хотя думала о том же самом. – До последнего надеялась, что кто-нибудь чудесным образом вытащит из-за пазухи куртку или что-то такое.

– Не в этот раз, – откликается Тиффани, поднимаясь на ноги. – Я помогу тебе раздеть его.

И вот мы сняли с охранника одежду и думаем, как надеть ее на меня. На его costume странные невидимые пряжки и застежки вместо обычных молний и пуговиц. Одежда пропахла нечистотами, кровью и каким-то другим тошнотворным запахом, но она на удивление теплая, с подкладкой. Верх тесноват, слишком обтягивает грудь, но я не на свидание наряжаюсь. Самая большая проблема в том, что его перчатки мне не подходят, да и обувь рассчитана на ногу с двумя большими пальцами вместо пяти маленьких. Я втискиваю ноги в ботинки, превозмогая боль. Все же лучше, чем ничего.

– Держи руки в карманах, – советует Тиффани. – Тепло твоего тела должно согреть их.

Киваю и засовываю пистолет под куртку, затем заплетаю свои грязные волосы, чтобы убрать их с лица. Лиз протягивает мне батончики, я беру их и делаю глубокий вдох.

– Пойду настолько далеко, насколько смогу, – объявляю я остальным. – Постараюсь найти помощь или людей, или еду,

хоть что-то, и вернуться. Но если до завтра не вернусь... не ищите меня.

– Боже, как же мне хочется постучать по дереву прямо сейчас, – замечает Лиз. – Не говори ерунды.

– Со мной все будет в порядке, – убеждаю я ее, хотя знаю, что блефую. – А теперь подсадите меня, чтобы я могла выбраться.

Мы поддвигаем стол, две девушки удерживают его на месте, пока я взбираюсь, а Лиз и Меган подталкивают меня выше. Запястье выражает протест пронзительной болью, но я продолжаю карабкаться, пробираясь к потолку пробитого корпуса. С каждой минутой становится все холоднее. Трещина достаточно велика, можно протиснуться. Пока карабкаюсь, запястье просто горит от боли. Я обернула пижамные шорты вокруг шеи, сделав из них что-то наподобие шарфа и капюшона, и мое лицо торчит оттуда, где должна быть нога. Не самый сексуальный образ, конечно, и шорты грязные, но я рада, что они есть. Ветер пронизывает до костей, а я еще даже не вылезла наружу.

Кладу руки на ледяной металл, пальцы сразу начинает пощипывать от мороза. Осторожно убираю руку. Снаружи не просто холодно, а чертовски холодно. Пытаюсь орудовать только здоровой рукой, защищенной толстой униформой пришельца, чтобы приподняться немного выше. Как только я подтягиваюсь и хочу высунуться через трещину в корпусе, перед глазами возникает видение, как пришелец от-

кусывают мою высунувшуюся наружу голову.

«Хватит, Джорджи», – говорю я себе, отгоняя плохие мысли, затем протискиваюсь в щель и осматриваюсь вокруг.

Хорошая новость в том, что ветер не такой сильный, как я думала. Вместо этого хлопья снега тихо падают с неба и два солнца сияют высоко над головой.

Два солнца. Два долбанных солнца.

Прищуриваюсь в надежде проверить, что не ударилась головой во время аварии и у меня не двоится в глазах. Конечно же их два. Они выглядят почти как восьмерка: одно маленькое и более тусклое солнце практически находит на более крупное. Вдалеке виднеется огромная белая луна.

– Не Земля! – кричу я вниз. Черт. Я борюсь с безумным желанием расплакаться от разочарования. Мне так хотелось выбраться и увидеть вдалеке здание, которое говорило бы мне: *«Да это же просто Канада или Финляндия»*.

Два солнца разбили эту надежду вдребезги.

– Что ты видишь? – спрашивает кто-то снизу.

Вокруг разбившегося корабля бесконечные сугробы. Нет деревьев, нет ничего, кроме снега. Поднимаю глаза. Вдалеке виднеются горы или по крайней мере что-то, что выглядит как горы, – большие ледяные пурпурные кристаллы размером с небоскреб. Они не такие, как скала, на которой мы находимся. Наша скала – это огромный неровный кусок гранита. Наш крошечный корабль выглядит так, будто он ударился об одну из ближайших скал. Вероятно, так и случилось.

Ищу глазами живых существ или воду, хоть что-нибудь. Но не вижу ничего, кроме белой пелены.

– Ну, что там? – опять доносится снизу.

Облизываю губы, почти ненавидя себя за то, что они уже онемели от мороза. Я южанка, мы плохо переносим холод.

– Ты когда-нибудь смотрела «Звездные войны»? Первый фильм?

– Только не говори мне...

– Ага. Похоже, мы приземлились на гребаном Хоте³. Вижу два крошечных солнца и огромную луну.

– Тогда это не Хот! – вопит Лиз. – Это была шестая планета от своего солнца, и я не помню, чтобы у нее была луна.

– Хорошо, ботаник, – кричу я в ответ. – Тогда мы назовем это место Не-Хот. Закройте дыру куском пластмассы, пока меня не будет. Это поможет сохранить тепло.

– Будь осторожна! – это снова Лиз.

– Твои бы слова да Богу в уши! – кричу я в ответ и наконец вытаскиваю свою задницу из корабля.

* * *

Пробираясь через заснеженные просторы и не имея ничего, кроме одежды, позаимствованной у пришельца, и пистолета, из которого я не умею стрелять, я понимаю, что мне

³ Вымышленная планета из научно-фантастической киноэпопеи Джорджа Лукаса «Звездные войны». Покрыта снегом и льдом, поэтому там трудно выжить.

потребуется все мое мужество, чтобы выжить. Бреду по сугробам, дрожа всем телом. Ради всего святого, я из Флориды и ничего не знаю о выживании в условиях зимы! Я могу справиться с гигантскими тараканами или даже аллигаторами, но как быть, когда твои ноги в жмущих ботинках при каждом шаге проваливаются в снег по колено?

На разбитом корабле меня ждет полдюжины девушек, которые на меня рассчитывают. У нас не так уж много вариантов. Можно вернуться, не думаю, что кто-то станет винить меня за то, что я испугалась. Но вернувшись, я медленно умру с голода вместе с остальными или стану жертвой пришельцев. Или я могу попытаться что-нибудь сделать здесь и сейчас, несмотря на риск замерзнуть насмерть. Поэтому я продолжаю идти.

Стоит отдать должное пришельцу, которого я убила, одежда у него довольно теплая. Хотя каждый шаг дается с трудом, потому что я тону в снегу, ноги остаются в тепле, в то время как лицо и руки превратились в куски льда. Рукава слишком тугие, чтобы я могла натянуть их на пальцы, поэтому я засунула одну руку под куртку, а другую под мышку. Когда становится нестерпимо холодно, я меняю их местами. Мое запястье чертовски болит, как и ребра. На самом деле они болят даже сильнее, потому что мне приходится глубоко дышать и каждый вдох причиняет острую боль.

Чего я хочу сейчас больше всего? Просто свернуться калачиком и плакать. Но на меня рассчитывают другие, поэто-

му я иду дальше.

Проведя, кажется, целую вечность в этом снежном аду, я понимаю, что начинаю спускаться со склона. Вдалеке видны высокие и тощие стволы деревьев. По крайней мере я надеюсь, что это деревья. Другой растительности не наблюдается, поэтому направляюсь к ним. Ветер усиливается, и мой костюм, как бы хорошо он поначалу ни выдерживал непогоду, начинает промерзать. На самом деле я уже вся окоченела. Черт!

Я бы хотела вернуться на корабль. Оборачиваюсь и, прищурившись, смотрю на маленькую черную точку на склоне холма. Отсюда наш корабль выглядит таким хрупким, беззащитным. А вокруг по-прежнему нет ни еды, ни животных, ни даже воды, только снег.

Вот дерьмо! Кажется, мне все же придется продолжать идти.

Деревья оказываются дальше, чем я представляла. Кажется, что я бесконечно долго спускаюсь к ним по склону горы. Начинаю различать что-то похожее на растительность: пучки бледного голубовато-зеленого цвета, скорее перья, чем листья. Их здесь целый лес. Это, должно быть, местные деревья. Проходя мимо, прикасаюсь к одному. Кора, если это можно так назвать, на ощупь влажная и липкая, и я, морщась, вытираю ладонь о штаны. Фу, это было мерзко.

Хорошо, я нашла деревья. Раз есть деревья, значит, есть и то, что необходимо для их существования. Деревьям нуж-

ны солнечный свет и вода. Прищуриваюсь, глядя на двойное солнце. Оно движется к краю неба, а огромная луна поднимается все выше.

Внезапно меня посещает такая мысль: а что, если мне придется остаться здесь на ночь одной? «Это будет паршиво», – бормочу я себе под нос и вытаскиваю пистолет только потому, что приятно иметь оружие под рукой. Пусть мои пальцы окоченеют, пока я держу его, мне все равно. Лучше иметь дерьмовое оружие, чем никакого.

По мере продвижения вперед я начинаю впадать в отчаяние. Что, если они бросили нас здесь, на этой планете, именно потому, что мы не сможем постоять за себя? В тот момент, как мне в голову приходит эта ужасная мысль, я слышу звук капающей жидкости.

Вода?

Остановливаясь, мое сердце бешено колотится. Господи, пожалуйста, пусть это будет вода! Если это вода, значит, она достаточно теплая, чтобы не превратиться в лед. Тепло. Прямо сейчас я бы выпила чего-нибудь тепленького.

Бросаюсь вперед изо всех сил. Звук воды, по-моему, исходит оттуда, где виднеются странные высокие стебли. Чем ближе, тем выше кажутся стебли, и когда я выхожу к бурлящему ручью, над которым стоит пар, становится понятно, что стебли высотой со здание в несколько этажей. Они возвышаются надо мной, словно бамбуковый лес, торчащий из воды. Каждый из стеблей венчает бледно-розовая, мягкая на

вид штука. Выглядит довольно странно, но, может быть, это здесь в порядке вещей.

Рядом с илистым берегом растет несколько стеблей пониже, высотой с человека. Я хватаюсь за один, ощущаю пальцами его тепло. Это хорошо, значит, вода тоже теплая, возможно, даже слишком теплая, чтобы к ней прикасаться. Наклоняюсь к воде, держась за стебель. И тут я понимаю, что из воды на меня смотрит чье-то лицо. Лицо с огромным ртом, острыми зубами и выпученными глазами. А стебель, который я держу в руках? Похоже, он является продолжением носа этого существа.

Кричу и отшатываюсь в тот момент, когда тварь бросается на меня из воды. Продолжаю кричать, рыба-краб отходит подальше от кромки ручья. Существо взволнованно шевелит своей мерзкой пастью, затем погружается в воду, и стебель слегка покачивается, прежде чем вернуться на место.

Твою мать! Что за дерьмо тут творится! Меня только что чуть не съело инопланетное... рыбоподобное существо.

Смотрю широко раскрытыми глазами на беззаботно бурлящий ручей, на огромные стебли, торчащие из него, те, что выше двухэтажного здания. Неужели все это... монстры?

Разворачиваюсь и бегу. Тяжело дыша, я бегу изо всех сил по снегу обратно на холм. Назад, сквозь пушистые сине-зеленые деревья. К черту все это. Я не подготовлена к тому, чтобы иметь дело с инопланетными формами жизни на неизвестной планете. Мои легкие хрипят, ребра горят, как в ог-

не, и пусть я упала там, у ручья, на больное запястье, все это не важно, потому что я не собираюсь останавливаться.

Когда пробегаю мимо одного из деревьев, что-то обвивается вокруг лодыжек. Я едва успеваю вскрикнуть, прежде чем тварь тащит меня назад, и я оказываюсь связанная вверх ногами в ветвях дерева.

Кричу, извиваюсь и кручусь. Земля как минимум в полуметре от меня, и я не могу до нее дотянуться. Там, внизу, мой пистолет-дубинка. Я выронила его, когда нечто потянуло меня вверх.

Ничего не происходит, и я перестаю метаться и паниковать. Надо во всем разобраться. Сгибаюсь и разглядываю свои ноги. Они связаны чем-то похожим на веревку. Если я буду достаточно извиваться... Это определенно похоже на узел. Другой конец веревки привязан выше в ветвях. Я хнычу и выпрямляюсь, а потом начинаю медленно раскачиваться.

Я... я попала в какую-то ловушку. С одной стороны, это обнадеживает: на этой планете есть разумная жизнь, а значит, мы не одиноки. Звучит волнительно.

Но нельзя упускать из виду тот факт, что это что-то наподобие охотничьей ловушки и что кто-то, возможно, собирается мной отобедать. Вспоминаю сцену из «Звездных войн», где Люк оказался подвешенным за ноги в пещере снежного существа, и снова начинаю паниковать, потому что знаю, чем это должно закончиться. Люк смог освободиться прежде,

чем существо его съело, потому что он джедай. А я? Я просто девушка из Флориды в чужом костюме, без оружия и со сломанным запястьем. Кажется, я знаю, чем это закончится для меня.

Продолжаю хныкать и извиваться, дергая ногами и пытаюсь высвободиться из петли, которая крепко держит меня. Я не хочу здесь быть, когда хозяин ловушки вернется за добычей.

Дерганье ногами ни к чему не приводит, поэтому в течение следующей минуты или двух я концентрируюсь на том, чтобы дотянуться до своего пистолета. Не то чтобы я поняла, как из него стрелять, но мне станет легче, если он будет у меня. Однако думать становится все труднее, и чем дольше я здесь торчу, тем сильнее стучит в голове.

Наверное, опасно долго висеть вверх ногами. Как долго человек может так висеть, прежде чем вся кровь прильет к его голове и он умрет?

Я извиваюсь еще сильнее, пока не замечаю краем глаза какое-то движение. Замираю и смотрю, как ко мне приближается белая пушистая фигура.

Вот дерьмо. Слишком поздно. Я – обед.

– Нет! – всхлипываю я и снова борюсь. Но мое тело больше не может сопротивляться. В голове пульсирует, и я теряю сознание как раз в тот момент, когда монстр ко мне приближается.

По крайней мере я не увижу, как он меня пожирает.

Вектал

Я не узнаю... существо, извивающееся в моей ловушке.
Это что-то новенькое.

Осторожно приближаюсь к нему, обнажая кинжал. Мгновение назад существо крутилось и извивалось, а теперь обмякло. Запах са-кхуйи, и все же... нет. Любопытно. Я дотрагиваюсь до него кончиком кинжала, чтобы посмотреть, дернется ли оно еще раз, но оно не двигается. Ветер усиливается, холодный воздух готовится к приходу маленькой луны, солнца-близнецы скрываются за горизонтом.

Кончиком кинжала перерезаю веревку, и моя добыча падает на землю, в снег.

А потом я испытываю шок, чувствуя, как мое кхуйи резонирует внутри меня. Мое внутреннее существо, которое так долго дремало, которое не признает партнера среди моего народа, – оно вибрирует и поет при виде этого нового существа. Я пристально смотрю на него.

Мои мысли путаются, я хватаю добычу и бегу к ближайшей охотничьей пещере.

В это суровое время года охотники должны быть осторожны, уходя далеко от родных мест. Есть ряд пещер, которые можно использовать только в самые холодные ночи, когда охотник находится вдали от дома. За время бесчисленных дней охоты я запомнил их расположение и теперь легко

нахожу ближайшую из них. Откидываю кожаную заслонку, прикрывающую вход, захожу и опускаю свою добычу на пол. Быстрый осмотр не выявляет скрытых обитателей. Я перемещаю существо женского пола – а это должна быть именно она – на меховую подстилку, лежащую в пещере. Ее зубы громко стучат. Такой звук иногда издают дети перед тем, как стать са-кхуйи, поэтому я прикасаюсь к ее веку и приоткрываю его, чтобы посмотреть, светится ли она изнутри.

Глаза ее белые, тусклые, значит внутри нее нет кхуйи, а если и есть, то оно мертво. С ней нужно будет обращаться как с ребенком. Быстро развожу огонь и жду, пока она согрется. Любопытство берет верх, и я изучаю ее. Я говорю себе, что это только для того, чтобы узнать, не ранена ли она, но мой разум в этот момент звенит от любопытства, а мое внутреннее существо вибрирует в груди песней, которая становится все громче с каждым моментом.

Она заставляет меня резонировать. Она моя.

Провожу рукой по ее рукам и ногам. На ней какая-то одежда, от которой веет старыми, горькими воспоминаниями. Я хочу сорвать ее, но если это существо беспомощно как котенок, то одежда ему понадобится. Мне требуется время, чтобы найти застежки и расстегнуть их, обнажая плоть.

Она гладкая, не то что са-кхуйи. Ее плоть почти полностью лишена волос, за исключением длинных ниспадающих локонов на голове и небольшого пучка между ногами, который появляется, когда я стягиваю с нее штаны. Я фыркаю

от удовольствия при виде этого маленького пучка. Восхитительно, очаровательно и бессмысленно!

У нее нет бугорков под кожей, обозначающих мускулы, и я испытываю невероятное чувство, когда смотрю на ее тело, нежное и слабое. Возможно, она была больна, и именно поэтому ее кхуйи исчезло. Провожу пальцами по ее странному лицу, оно тоже гладкое, лоб ровный, на ней нет гребней, она вся гладкая и нежная.

Как такая слабая, как она, нашла дорогу к дальним охотничьим угольям? Это такая же загадка, как и тот факт, что она заставляет внутреннее существо вибрировать в моей груди, оно просто гудит от призыва. Потребность в спаривании пронзает мое тело, когда ее мягкие округлые бедра раздвигаются, и ее запах наполняет мои ноздри.

Стон вырывается из груди, член мой становится твердым, гребешки на нем набухают.

Я зарываюсь лицом между ее ног, чтобы попробовать ее на вкус.

Джорджи

Я почти уверена, что сплю.

Возможно, все это дурной сон, и я просто застряла на какое-то время в плохой его части, а теперь добралась до приятной. Я почти уверена, что обнажена и кто-то лижет меня между ног так, как будто завтра не наступит никогда. Из груди вырывается тихий стон. Это гораздо приятнее, чем все то дерьмо с космическим кораблем.

Что-то скользкое и ребристое движется вверх-вниз по моей киске, чей-то рот, язык. Он проникает в каждый укромный уголок, и это так приятно. Вспышка боли пронзает мое запястье, но она быстро тонет в новой порции удовольствия. Мягкое урчание доносится откуда-то поблизости, оно звучит почти как речь, но я не могу понять ни слова. Парень, что лижет мою киску, просто чемпион.

Его голова поднимается, он утыкается носом в мой лобок, снова что-то бормоча. Мои руки опускают его голову туда, куда я хочу, и в этот момент я нащупываю... рога.

Резко просыпаюсь, понимая, что это не сон. Все было наяву. В шоке смотрю на свое тело. Я без одежды, совсем голая, у меня между ног какой-то парень, а из его головы торчит пара массивных закрученных рогов. Пока я пытаюсь понять, что происходит, его язык снова скользит по моей киске.

– О боже мой, – шепчу я, толкаю его голову, пытаюсь вы-

свободиться. Это ненормально, все это ненормально.

Он поднимает голову, и в этот момент я вскрикиваю.

Он не человек. Нет, я уже догадалась по рогам и всему остальному, но теперь, глядя на его лицо, я могу точно сказать, что он действительно не человек. Рога растут из-под волос и окружают его голову, словно остроконечный смертоносный шлем. Сам он синего цвета, точнее голубовато-серого, с копной черных волос, которая напоминает мне львиную гриву. Его брови густые, гуще, чем у любого человека, а лицо суровое, будто вырезано из камня. Прямо по лбу к кончику носа идет какой-то ребристый узор, его голубовато-серая кожа в этом месте немного темнее. Глаза сияют голубым оттенком, которого я никогда не видела; они голубые, как воды Карибского моря, но совершенно без зрачков, и будто светятся изнутри.

Тихий всхлип вырывается из моей груди, когда он поднимается надо мной. Я вижу лохматый белый мех, покрывающий его плечи, и понимаю, что видела именно его, когда висела вниз головой. Это был не монстр, пришедший меня съесть, это был монстр, пришедший меня вылизать.

Вся ситуация кажется мне невероятно нелепой, хочется рассмеяться, но я слишком напугана.

– Что ты собираешься со мной делать? – тихо спрашиваю я, во все глаза глядя на него. Невысказанное «*Пожалуйста, не убивай меня, пожалуйста, не убивай меня!*» мечется в моей голове.

Он что-то говорит и проводит рукой по моему животу. Затем эти странные светящиеся глаза ловят мой взгляд, и его голова опускается. Он снова начинает меня лизать. Он лижет долго, медленно, с удовольствием, проникая в каждый уголок моей мокрой киски.

Я ничего не могу с собой поделать и начинаю хихикать. Мне щекотно, и он заставляет меня извиваться. Я вроде бы должна кричать: «Помогите, насилуют!», а вместо этого я хихикаю потому, что он не хочет меня съесть, а хочет... полизать мою киску. Некоторые из парней, с которыми я встречалась, не хотели доставлять мне удовольствие таким образом, а он это делает в качестве приветствия.

Меня охватывает смех, одновременно нелепый и приносящий облегчение. Возможно, я в истерике, но какое это имеет значение? Я все еще жива, и странный парень с рогами полон решимости сделать мне приятное. Когда меня похитили, я много сценариев себе представляла, но того, в котором мне доставляют оральные ласки, пока я не кончу, даже близко не было в моем списке.

Этот парень действительно *хорош*, очень хорош.

Что-то ребристое и неровное скользит у входа в мою вагину, и я понимаю, что это его шершавый язык. Это потрясающе! И хотя все инстинкты твердят убираться к черту, я не двигаюсь и еле дышу.

Когда он кладет свою большую руку мне на бедро, побуждая меня раздвинуть ноги шире, я повинуюсь. Я обязательно

встану и начну возмущаться, но только через минуту.

Еще одну минуту.

Он снова лижет меня, его язык касается моего клитора. У меня вырывается неприличный визг, но я ничего не могу с этим поделать. Мой клитор особенно чувствительный, и до этого момента он к нему не прикасался.

Рогатый вскидывает голову и смотрит на меня, как я могу предположить, с удивлением. Я вздрагиваю при виде этих странных глаз и прижимаю здоровую руку ко рту, решив не издавать больше ни звука и не пугать его. А что, если он разозлится и забодает меня своими гигантскими рогами?

Но он выглядит смущенным только на мгновение, затем я наблюдаю, как его большие пальцы раздвигают мою кисть, и он пристально изучает ее. Мне неловко, я пытаюсь сомкнуть ноги. К черту все это. Однако он не дает мне этого сделать, удерживая их своими большими руками, и снова принимается разглядывать. При виде моего клитора он выглядит *потрясенным*, совершенно потрясенным. Он вопросительно произносит что-то похожее на *са-са*.

Снова пытаюсь сомкнуть ноги и подняться.

– Сейчас не время для урока анатомии, приятель.

Большой прищелец, взглянув строго, толкает меня обратно на меховую подстилку.

Я сопротивляюсь, но он намного сильнее меня и полон решимости. Он раздвигает мои ноги, и я не могу не заметить, что его рука огромная, как бейсбольная перчатка. Какого ро-

ста этот парень? Он снова изучает мою киску и, к моему полному унижению, касается моего клитора так, как будто тот собирается его укусить.

Я остаюсь неподвижной.

Это его не удовлетворяет, он что-то бормочет, а затем начинает массировать мой клитор, как бы пытаюсь найти правильное прикосновение, чтобы я снова отреагировала.

И я реагирую против своей воли. Закрываю глаза, чтобы не видеть выражение его лица. Он продолжает очень осторожно поглаживать мой клитор. Я все еще контролирую себя, хотя каждое прикосновение его пальцев вызывает у меня желание стонать. Затем я чувствую его губы на моем клиторе, он нежно его посасывает. Я подаюсь вперед бедрами и вскрикиваю.

Он что-то довольно бормочет и продолжает лизать и сосать мой клитор, пока мои бедра не начинают дрожать. Кажется, я собираюсь кончить. Черт бы его побрал. Черт бы побрал его и тот факт, что он заставляет меня чувствовать себя потрясающе. Эти бугорки и выступы на его языке продолжают ласкать мой клитор, все мое тело вздрагивает, а затем я кончаю как никогда. Снова и снова моя вагина сжимается, и оргазм разливается по телу, напряженному от силы удовольствия.

В изнеможении падаю обратно на меховую подстилку, моя рука скользит по лицу.

Хорошо, я только что это сделала – кончила от ласк при-

шельца. Понятия не имею, как объяснить это Лиз и остальным.

Инопланетянин говорит что-то, я приоткрываю один глаз, чтобы взглянуть на него. Нет никаких сомнений в том, что на его нечеловеческом лице выражение мужской гордости. Он доволен тем, что заставил меня кончить. Я показываю ему средний палец.

– Засранец.

Он говорит что-то в ответ, затем хватается меня за бедра и переворачивает на живот.

Я знаю, что будет дальше. И хотя он только что довел меня до оргазма, я не хочу заниматься с ним сексом. У девушки должны быть границы. Оральные ласки – это нормально, пока я получаю удовольствие, но секс – это уже слишком, слишком быстро. Я извиваюсь, затем вырываюсь из его хватки и пинаю. Моя нога упирается в его грудь.

Такое чувство, что я сломала ее. Сломала ногу, не грудь.

Ощущение, будто он из железа. Вскрикиваю и снова падаю на пол, боль в лодыжке пронзает все тело.

Потом поднимаю глаза и вижу, что пришелец в ярости.

Глава 2

Вектал

Моя половинка, резонанс моего кхуйи, моя новая причина существования, только что уперлась своей крошечной странной ножкой мне в грудь и пнула так, как если бы она не хотела спариваться.

Ее странные, безжизненные глаза широко раскрыты от страха, в них нет обнадеживающего сияния. Я хочу сказать ей, что с ней все будет в порядке, что теперь она моя, я позабочусь о ней, мы уничтожим одного из монстров *са-кохцк* и достанем из его глубин новое кхуйи, чтобы она больше не страдала.

Но я не понимаю, почему она причинила себе вред. Я потираю грудь в том месте, где приземлилась ее крошечная ножка. Без одежды ее тело кажется еще меньше, она мягкая и гладкая. Она, кажется, тоже забыла об этом, потому что бросает на меня возмущенный взгляд, затем воет от боли и хватается за ногу.

Я ее не понимаю. Быть может, отсутствие кхуйи влияет на ее чувства.

– Я не причиню тебе вреда, – медленно говорю я ей, потому что она выглядит испуганной. – Теперь ты моя пара.

– *Эт чнь бльн!*

– Дай мне взглянуть на твою ногу, – требую я. Если у нее нет кхуйи, она, вероятно, не исцеляется так, как должна. Она продолжает смотреть на меня испуганно, я наклоняюсь вперед и кладу руку ей на лодыжку.

Она что-то вскрикивает и снова набрасывается на меня. Ее рука сжимается в кулак и бьет меня по лицу, моя губа ударяется о зубы. Вспышка боли пронзает мой рот, и я рычу.

Она немедленно замолкает, отшатываясь назад, ее руки подняты в оборонительном жесте.

Я устал от ее поведения.

Эта женщина, это маленькое существо, которое в два раза меньше са-кхуйи, моя половинка, как она может подумать, что я причиню ей вред? Но она даже сейчас съеживается, словно ожидая удара. Ярость переполняет меня, потому что ее реакция ненормальна.

Кто-то причинил боль моей девушке в прошлом.

Протягиваю руку и разворачиваю ее бледное лицо к себе. Она сопротивляется, ее глаза снова закрываются, и она начинает дрожать. Пристально смотрю на ее маленькие, плоские черты лица. Цвет ее кожи нормальный, за исключением темных синяков с одной стороны. Вот доказательство того, о чем я подозревал.

– Кто это с тобой сделал? – спрашиваю я.

Она дрожит, но не отвечает мне. Она не немая, она издает звуки, и я задаюсь вопросом, не ударилась ли она головой.

Или, возможно, ее народ говорит на бессмысленном языке твердых звуков, которыми она наполняет мои уши. Это так не похоже на мой язык.

Но опять же, она не са-кхуйи, я не должен ожидать сходства, хотя я полностью ею очарован. Мужчины моего племени говорят, что нет большего удовольствия, чем вкус резонансного партнера на губах, и они правы. Зарыться лицом между ее ног было одним из величайших удовольствий, которые я когда-либо испытывал, и я хочу испытать это снова.

По ее реакции, по тому, как она съеживается, ясно, что я единственный, кто этого хочет. Я озадачен ее поведением, должно быть, это из-за отсутствия кхуйи. Она не чувствует резонанса, как я, не чувствует острой потребности в обладании, не чувствует пустоты одинокого духа. Да и как она может? Внутри нее нет кхуйи, которое могло бы резонировать.

Очевидно, боги послали ее мне, чтобы научить терпению. Я печально улыбаюсь, это не самая сильная моя черта.

– Хорошо, малыш, – говорю я ей и провожу пальцами по ее странной гладкой коже. – Мы вместе научимся терпению.

– *Ни пнима тбя!*

Слова срываются с ее подвижного рта. В этот момент я замечаю, что у нее нет клыков, и мое сердце замирает, кхуйи перестает резонировать. Несмотря на то, что она шлепает меня по рукам, я открываю ей рот, чтобы осмотреть зубы. Они что, сломаны?

Нет, похоже, ее маленькие зубы целы, но они даже близко

не такого размера, как мои клыки. Странное создание.

Я отпускаю ее, и она бьет меня по рукам, ее глаза сужаются.

– *Отвли, придрк!*

Ее тело отличается от тела са-кхуйи. Оно мягкое, почти без волос, и я не видел хвоста. А еще у нее между ног этот странный сосок. Я нахожу его возбуждающим, потому что он заставляет меня думать о том, какая она на вкус. Я снова хочу ощутить ее вкус на своем языке. Даже сейчас у меня слюнки текут от воспоминаний, и мое кхуйи резонирует в груди.

Поэтому я просто сижу и наблюдаю, что она будет делать дальше.

Она собирает свою странную одежду, решив прикрыть свое маленькое, мягкое тело. Ей холодно? Во мне просыпается защитный инстинкт, и я поворачиваюсь к огню, подкладывая в него побольше дров. Нужно будет нарубить дров и пополнить запасы для следующего охотника, но зато сейчас я порадую свою половинку. Я хочу, чтобы ей было тепло и уютно.

Как только я разжигаю огонь, она придвигается к нему, держа руки около пламени. Они выглядят... странно.

– У тебя пять пальцев, – говорю я ей и поднимаю свою руку. У меня их четыре, это еще одно различие между нами. Я очарован и немного смущен этими лишними пальцами.

Ее рука касается груди.

– *Шорши*. – Она похлопывает себя по груди и смотрит на меня. – *Йа Шорши*.

Что-то не так с ее грудью? Она пытается сказать мне, что ее кхуйи исчезло? Это же очевидно из-за ее тусклых бледных глаз.

– Да, я знаю, – говорю я ей. – Не бойся. Мы проведем церемонию, когда вернемся домой, в племя.

– *Шорши*, – говорит она, снова похлопывая себя по груди, а затем вытягивает руку и похлопывает меня по груди, ожидая чего-то.

Она спрашивает о моем резонансе? Я прижимаю ее маленькую ручку к своей груди, чтобы она могла почувствовать, как вибрирует мое кхуйи. Она испуганно отшатывается и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– *Чт эт? Как тбя звт?*

– Это резонанс, – объясняю я ей, и мое кхуйи гудит от ее прикосновения.

Она смотрит на меня с таким потрясением, что я начинаю беспокоиться. Когда она снова кладет руку мне на грудь, и я резонирую, она отдергивает руку так быстро, как будто дотронулась до чего-то холодного, как лед.

– *Йа нмгу эт прзнести*, – говорит она мне и снова прижимает руку к моей груди, а затем к своей. – *Шорши*.

– *Шиооршии*, – повторяю я.

Ее лицо светлеет.

– *Дэ!* – Она радостно похлопывает себя по груди. – *Ши-*

орши!

Она не пыталась рассказать мне о своем кхуйи или об отсутствии резонанса, это ее имя! Она снова касается своей груди и выжидающе смотрит на меня.

Сбитый с толку, я касаюсь своей груди.

– Вектал.

Ее челюсть выпячивается, и она пытается правильно произнести мое имя, но выходит что-то похожее на «Хуптал», она не может произнести первый слог. Все в порядке, это только начало.

– Хуптал, – радостно говорит она и снова похлопывает себя по груди. – Шорши.

Ее собственное имя состоит из искаженных звуков, но я стараюсь произнести его, чтобы сделать ей приятно. Значит, она Шорши.

Шорши для меня загадка. У нее нет ни хвоста, ни шерсти, она носит странную одежду и ходит по опасным охотничьим угольям без оружия, она слабая и мягкая, у нее нет кхуйи и она не говорит на моем языке.

Это какая-то бессмыслица. Как Шорши здесь оказалась? У каждого существа есть кхуйи. Мой народ, са-кхуйи, единственный разумный народ в мире. Есть метлаки, но они покрыты шерстью и не умнее камней, они даже не овладели огнем.

Шорши умна. Она не отшатывается от огня, как метлак, она понимает его пользу. Она одета в выделанную кожу, ее

сапоги прекраснее всех, что я когда-либо видел. Шорши из чужого народа, она пришла из далекой чужой страны.

Но какой? Я не могу ее спросить. Мы едва можем общаться.

И тогда мне приходит в голову мысль... она не резонирует, она не чувствует того же, что и я потому, что у нее нет кхуйи, может, никогда и не было.

Меня охватывает такое сильное чувство потери, что я оскаливаю зубы. Этого... этого не может быть. Как так получилось, что она не может резонировать со мной? Что мы не связаны? Я нашел свою вторую половину после стольких лет и... она как будто мертва для меня. Эта мысль душит меня. Отсутствие кхуйи – это смертный приговор. У меня болит душа от того, что я вижу Шорши такой живой и такой обреченной.

Но нет, она *моя* пара, моя вторая половинка. Я сделаю для нее все.

Джорджи

У него есть огонь, это большой плюс. Я потираю руки около огня и греюсь. Ветер свистит за дверной заслонкой, и я вижу, что на улице темнеет, но в пещере тепло, пока горит огонь. Виновато думаю о Лиз, Кире и других. Они сумеют согреться, прижавшись друг к другу, не так ли?

Поднимаю глаза, когда Вектал начинает расхаживать по тесной пещере. Он выглядит встревоженным, и это заставляет меня нервничать. Наверное, я сделала что-то не так, но я понятия не имею, что именно. Он продолжает мурлыкать, и я думала, что он счастлив, но, кажется, ошибалась.

Мой живот урчит, и я прижимаю к нему руку. Время для батончика морских водорослей. Проверяю карманы украинского комбинезона, но ничего не нахожу и начинаю паниковать. Я потеряла еду и оружие, единственное, что у меня осталось, – это ботинки, которые жмут, и комбинезон. Моя разведывательная операция полностью провалилась. Вот дерьмо.

Он приближается и опускается на колени рядом со мной, я инстинктивно отшатываюсь назад, бросая на Вектала настороженный взгляд. Мне доставили удовольствие его оральные ласки, но я знаю, чего он хочет, и с подозрением отношусь к тому, что он находится слишком близко.

Но он только указывает на мой живот. «*Кууууск?*», – в

этом слове множество звуков, которые я не смогу передать, как будто в горле что-то странно вибрирует.

– Проголодалась, – говорю я ему и похлопываю себя по животу, затем изображаю, как что-то ем.

Он указывает на мои зубы и задает еще один вопрос. Верно. Что-то в них беспокоит его. Обнажаю зубы, чтобы показать, что они в порядке, и он обнажает свои в ответ.

Клыки. Конечно, у него есть клыки. Они в три раза больше моих и выглядят устрашающе. Неудивительно, что он озадачен моими короткими мелкими зубами.

– Надеюсь, они для жевания овощей, – бодро говорю я.

Он снимает меховую накидку. О боже мой, как я рада, что это одежда, а не часть тела. Я уже почти смирилась с рогами, но хорошо, что этот лохматый мех не его. Теперь я понимаю, что он выглядел таким огромным из-за одежды. Это хорошо. Хотя тот факт, что он выше двух метров ростом, ничем не скрыть.

Настороженно наблюдаю, как он раздевается. «Надеюсь, ты не принял мое урчание в животе за приглашение заняться кое-чем».

Меховая накидка падает на пол, и мои глаза увеличиваются от того, что я вижу под ней. Его кожаная одежда все такого же голубовато-серого оттенка, который заставляет меня думать о пасмурном дне, к тому же она не выглядит теплой. Его руки обнажены, а грудь прикрыта жилетом, который, кажется, полностью состоит из карманов и шнурков. Несколь-

ко зловещего вида костяных ножей прикреплены к жилету. Он полураздет, несмотря на бушующую снаружи метель, и мне интересно, насколько теплая эта его дурацкая накидка.

И смогу ли я украсть ее.

«Наверное, это плохая идея, Джорджи, – говорю я себе. – Этот парень – твой единственный знакомый тут. Даже если он просто хочет полизать твою киску». Крепко сжимаю бедра при воспоминании об этом и стараюсь не покраснеть. Продолжаю разглядывать нового знакомого. Мышцы на его огромных руках стальные, огромные и пугающие. Наверное, под кожаным жилетом он столь же ошеломляющий.

Инопланетянин стягивает пояс с одного плеча, и я понимаю, что где-то среди бесчисленных застёжек и кармашков у него на груди висит сумка. У меня снова урчит в животе, возможно, у него есть еда. Настоящая еда, не батончики из морских водорослей.

У меня текут слюнки, и я скрещиваю руки, чтобы не потянуться за сумкой. Никогда в жизни не была так голодна. Он открывает сумку и достает какой-то пузырь, который оказывается емкостью с водой, а также что-то завернутое в кожу. Он протягивает сверток, я разворачиваю его. Внутри несколько толстых кусков чего-то похожего на мясо, смешанного с какой-то крупой. Должно быть, дорожные пайки. Я дрожу и смотрю на него снизу вверх.

– Это мне?

– *Кууус-ках*, – говорит он на своем странном языке и изоб-

ражает, как отламывает кусочек и ест.

Я могла бы расцеловать его прямо сейчас, с клыками и всем прочим.

– Спасибо, – благодарю я и отламываю большой кусок. Меня не волнует, покажусь ли я жадной, я умираю с голоду. Запихиваю весь кусок в рот и начинаю жевать.

И сразу понимаю, что это было ошибкой.

Вкус ужасный, и это самое безобидное, что я могу сказать. Кажется, будто я откусила огромный перец чили, смешанный с чем-то мерзким, мучнистым. Еда настолько острая, что у меня сразу же слезятся глаза и закладывает нос. Кашляю, отчаянно пытаюсь проглотить то, что у меня во рту, но еда обжигает язык. В конце концов я выплевываю все себе в руку, а пришелец смотрит на меня с любопытством.

Это жестоко. Давлюсь и кашляю, пока он не передает мне флягу, сопровождая это коротким рывканьем. Опасливо делаю глоток. К счастью, это вода, прохладная и освежающая, с оттенком цитрусовых. Я выпиваю ее с облегчением, и мой сдавленный кашель медленно стихает.

Возвращаю ему сухой паек и качаю головой. Ужасно хочу есть, но это есть не могу. При одной мысли о том, чтобы положить в рот хотя бы маленький кусочек предложенного угощения, у меня сжимаются челюсти и желудок жалобно протестует.

Пришелец озадачен моим отказом. Он снова осматривает мой рот и пытается коснуться языка. Я отмахиваюсь от его

руки.

– Проблема не в моем рте, а в твоей еде.

Он опять выдает какую-то тарабарщину и показывает на мои синяки. О, он думает, что я ранена и поэтому не могу есть. Качаю головой.

– Я в порядке. Правда.

Вектал с любопытством смотрит на меня.

– Кажется, вряд ли поблизости есть уютный городишко, полный дружелюбных пришельцев, не так ли? – спрашиваю я. В тесной пещере становится все холоднее, ветер свистит, и я пытаюсь плотнее запахнуть свою куртку.

Вектал поднимает меховую накидку и набрасывает ее мне на плечи, разговаривая со мной на своем грубоватом языке.

– Спасибо.

Кутаюсь в накидку. Он остается раздетым, значит, ему не холодно. Смотрю, как он наклоняется и кидает еще одно полено в огонь.

В этот момент я замечаю, что у него есть хвост. Ну ладно, у многих существ есть хвост, это не так уж и странно. Я пытаюсь не пугаться, он просто такой... другой. Рога, руки с четырьмя пальцами, которыми он подкидывает дрова в огонь, ботинки из мягкой кожи имеют непривычно широкий носок, так что можно только догадываться, что там в них. Ах да, и он дымчато-серо-голубой, чуть не забыла об этом, и он мурлычет. Так что, кроме того, что он двуногий, он не очень-то похож на меня.

– Шорши, – говорит он, искажая мое имя. Он повторяет это, а затем хмурится и встряхивает своими черными волосами. – Шорши, Вектал, – говорит он снова, затем указывает на свой глаз и качает головой.

– Не понимаю, что ты пытаешься мне сказать. Что я не такая, как ты? Я это и так знаю, – говорю я, глядя на еду. Боже, как бы я хотела это съесть, но не могу. Мои глаза наполняются слезами отчаяния. Кажется, это последняя капля.

– Ты не представляешь, какое дерьмо мне пришлось пережить за последние две недели.

Он говорит что-то более мягким голосом и вытирает слезу с моей щеки. Я замечаю, что его кожа на ощупь похожа на замшу. Это... мило, он кажется дружелюбным, хотя все вокруг катится к черту.

Вектал плотнее кутает меня в накидку. Потом похлопывает по меховой подстилке у огня и говорит что-то. Наверное, что-то вроде «ты можешь здесь отдохнуть». Он снова похлопывает и ждет. Я ложусь, мне тепло и уютно в меху. Впервые за целую вечность я не чувствую, что мне грозит неминуемая опасность. Все, чего хочет этот пришелец, – это оральный секс. Эта мысль заставляет меня беззвучно хихикать и я засыпаю, улыбаясь.

* * *

Просыпаюсь через какое-то время, чувствуя себя лучше,

чем когда-либо за долгое-долгое время. Под меховой накидкой очень тепло, и я прижимаюсь к чему-то большому, твердому и очень теплomu, теплее любой грелки. Мои пальцы скользят по поверхности, похожей на замшу, и тут я слышу мягкое мурлыканье и понимаю, что прижимаюсь к груди Вектала.

Это... не самое худшее место в мире сейчас. Если у меня будет выбор: вернуться в грузовой отсек, остаться одной среди снегов или уютно устроиться рядом с любящим киску пришельцем, я выберу вариант номер три.

Пытаюсь притвориться спящей, но что-то твердое упирается мне в живот, сигнализируя о том, что Вектал бодрствует и очень рад моему присутствию. Он одарен гораздо более щедро, чем любой парень, которого я когда-либо встречала.

Сажусь, натягивая на себя одеяло. Мое дыхание клубится в холодном воздухе, пока я оглядываю пещеру. Слабый солнечный свет проникает через дверную заслонку, огонь погас. Ужасно холодно, если только не прижиматься к Векталу, и я испытываю сильное желание обнять его, чтобы согреться.

Но он садится и поправляет одежду. «*Выдрои*», – говорит он мне. Не знаю, это «доброе утро», или «черт, как холодно», или еще что-то. Он встает, и в этот момент у меня снова урчит в животе.

Вектал бросает на меня косой взгляд.

– Я знаю. Поверь мне, я знаю, – говорю я смущенно.

Он начинает разворачивать вчерашнюю еду, но я строю

гримасу отвращения и качаю головой. Изображаю, как еда обжигает мой язык. Он хихикает, а затем делает жест, похожий на укачивание ребенка, что ставит меня в тупик. Вообще не улавливаю суть наших разговоров.

– Проголодалась, – говорю я, потирая живот и изображая, как что-то ем. – Еда?

Каждая клеточка моего тела просит о еде, плюс «еду» легче изобразить, чем «если ты дашь мне оружие, я сама позабочусь о завтраке», поэтому я действую осторожно.

Вектал кивает и начинает надевать снаряжение, которое снял ночью. Он обнажен по пояс, и мышцы на его дымчато-голубой груди грозны и очаровательны, как я и предполагала. Они выглядят как куски холодного железа. Я вспоминаю его теплую замшевую кожу, как к ней было приятно прикасаться. Наблюдаю, как он одевается, заинтригованная различиями наших тел. Кое-где на его теле есть бугристые выступы, они тянутся вдоль тыльной стороны рук до самого локтя, спускаются к центру груди, почти исчезают где-то между грудью и пупком, затем проступают на бедрах. Такой же рельеф украшает его лоб, спускаясь прямо к носу. Интересно, для чего он предназначен?

Вектал сегодня утром разговорчив, он ведет со мной одностороннюю беседу, надевая жилет и привязывая ножи и лезвия на свои места. Я хочу попросить его дать мне оружие, но не знаю особенностей его культуры. Вдруг такая просьба будет оскорблением? Не хочется злить его, ведь он – мой

спасательный круг. Пока он продолжает говорить, я наблюдаю, как мое дыхание клубится в воздухе, и думаю о девушках на корабле, прижавшихся друг к другу.

Надеюсь, они в порядке. Боже, я правда надеюсь, что с нами все в порядке. Мне нужно вернуться сегодня, чтобы они не волновались. Расскажу им, что нашла... на самом деле не так уж и много. Я нашла рыбу, готовую вгрызться в лицо, с отростками на носу, похожими на бамбук, нашла теплый ручей (полный вышеупомянутой рыбы) и пришельца, который любит лизать киску в качестве приветствия.

Но ничто из этого не поможет нам вернуться домой. Я не нашла город, не нашла другой корабль и, разумеется, не нашла кого-то, кто говорит по-английски. А что хуже всего, я потеряла наше единственное оружие. Спасательная операция летит к чертям.

Вектал заканчивает завязывать свои сумки и мешки, а затем надевает ботинки. Украдкой бросаю взгляд на его ступни, просто чтобы удовлетворить любопытство. Три больших, растопыренных пальца и костлявая пятка, которая, вероятно, была четвертым пальцем на каком-то этапе эволюции. Я не смогла бы носить его обувь, и эта мысль угнетает меня, когда я засовываю ноги обратно в свои неудобные украденные ботинки.

Встаю, и у меня перед глазами все плывет. Еле переставляю ноги, спотыкаюсь и снова прижимаюсь к твердой груди. Вектал что-то шепчет мне на ухо и опять предлагает свою

еду, но я отталкиваю ее. Я не вредничаю, просто не могу есть эту дрянь. Беру воду, которую он протягивает, и пью ее, но мне этого надолго не хватит. Может быть, я смогу убедить Вектала вернуться к месту, где он поймал меня, чтобы поискать выпавшие батончики. Сейчас я настолько голодна, что съем их, даже если за ночь они превратились в ледышки.

Он помогает мне выйти из пещеры. За ночь выпало много снега, и я с отчаянием отмечаю, насколько выросли сугробы. Не совсем то, что нужно для поиска моих припасов.

Вектал указывает на свои обнаженные плечи (его меховая накидка на мне), опускается на колени и жестами показывает, что я должна забраться к нему на спину и обнять за шею. Что ж, это унижительно, но я так устала и ослабла, что не протестую. Я обнимаю его, прижимаюсь к его спине и обхватываю ногами за талию. Он гладит мою руку, говорит, кажется, что-то успокаивающее, а затем мчится вниз по склону горы.

Я на мгновение ошеломлена тем, насколько он быстр. Сугробы ему не помеха, его ботинки скользят по поверхности снега как ни в чем не бывало. Он весь горячий как печка, и те части моего тела, которые соприкасаются с ним, тоже становятся теплыми, а те, что остались на ветру, холодны как лед. Осознав, что накидка ему совсем не нужна и что он прекрасно чувствует себя в этом зимнем царстве, я прижимаюсь к нему еще теснее, кладу голову ему на шею и зарываюсь холодным лицом в его теплые волосы. Он приятно пахнет.

Отлично, кажется у меня стокгольмский синдром.

Он спускается вниз по крутым склонам, как будто по равнине. Мы пересекаем очередную рощу, и тут я впервые понимаю, что мы движемся в другую сторону от места крушения. Я не обращала внимания раньше, мое сознание затуманено голодом и холодом. Но это неправильно, там наверху все ждут меня, я не могу их оставить.

– Подожди, – говорю я, похлопывая его по плечу. – Вектал, подожди!

Он останавливается, я соскальзываю с его спины. Холод моментально пронизывает меня. Я показываю на холм в том направлении, откуда пришла.

– Мы должны вернуться и спасти остальных.

Он качает головой и указывает вниз. Там, куда он указывает, я вижу густые деревья и больше растительности. Он хочет спуститься с горы.

Но я не могу бросить остальных. Настойчиво указываю назад.

– Пожалуйста. Мне нужно подняться на холм. Там есть люди, девушки, они голодны и замерзли, и у них ничего нет.

Вектал качает своей лохматой головой и изображает, как ест. Затем указывает на лес внизу, у заснеженных склонов.

Я в сомнениях. Могу ли я позволить ему увести меня вниз, чтобы накормить? Если мы сразу же пойдем к остальным, то будем голодать все вместе. Они, наверное, уже думают, что со мной что-то случилось.

У меня снова урчит в животе. Вектал бросает на меня сер-

дитый взгляд. Он снова произносит слово «еда».

– *Кууск.*

Кусаю губы, размышляя, и оборачиваюсь на гору. Все во мне говорит, что мне нужно стоять на своем, но я чувствую себя такой слабой и голодной. Мы ведь можем вернуться позже, как только я что-нибудь съем. И не лучше ли будет появиться не с пустыми руками?

Тяжело вздохнув, я оглядываюсь на Вектала. Его сияющие голубые глаза, кажется, прожигают во мне дыру.

– Кууск, а потом вверх по склону, хорошо? Давай раздобудем достаточно кууска для всех.

Может быть, набитый едой живот заглушит мое чувство вины.

Вектал

Когда моя девушка снова взбирается на мою спину и обнимает своими маленькими мягкими ручками, мне приходится сделать усилие, чтобы подавить удовольствие. Она замерзла, проголодалась и чем-то расстроена. Потребность утешить ее съедает меня заживо. Я принесу ей еду, чтобы она могла наесться и набраться сил. Сейчас ее белая кожа стала еще бледнее, и я боюсь, что она заболит и станет слишком слабой, чтобы принять кхуйи.

У меня есть планы на мою милую половинку. Нравится ей это или нет, но она примет кхуйи. Я не могу позволить себе потерять ее теперь, когда только нашел.

Долина изобилует дикими животными. По тому, как беззаботно моя подруга держится, я понимаю, что она не видит крадущихся вдалеке снежных кошек или серповидный клюв, выглядывающий из-за ближайшего дерева. Мой взгляд охотника легко подмечает это, и я ищу безопасное место, в котором могу оставить свою пару на некоторое время. Она слишком слаба, чтобы охотиться или защищаться, если кто-то нападет.

На дальней стороне долины есть большой валун, который можно использовать для наблюдения, и я направляюсь туда сквозь глубокие сугробы. Хотя погода на меня не влияет, дрожь тела моей девушки все усиливается. Она не сможет

перемещаться на дальние расстояния, если я не достану ей что-нибудь потеплее. Итак, сначала еда, потом мех, чтобы я мог одеть свою мягкую, хрупкую Шорши.

Я буду защищать ее ценой своей жизни, если придется.

Потребность заявить права на нее резонирует в моей груди, мое кхуйи напоминает мне, что я нашел свою пару, но еще не востребовал ее. Я похлопываю себя по груди, как бы говоря: *знаю, я знаю, что она моя*. С ней трудно общаться, она напугана и слаба. Как только она окрепнет и мы сможем наладить контакт, она поймет, что я пытался ей сказать. Затем она снова раздвинет для меня свои мягкие розовые бедра, и я буду чувствовать ее вкус на языке, я погружу свой член в нее и почувствую резонанс между нами.

Мой член тведет, поэтому я быстро отгоняю эти мысли.

Добравшись до валуна, я осторожно опускаю Шорши на землю, она взбирается на камень.

– Оставайся здесь, – говорю я ей.

Конечно, она пытается следовать за мной.

Жестом показываю ей, что она должна остаться, и она бросает на меня испуганный взгляд.

– Шорши, Вектал?

– Я не оставлю тебя, мой милый резонанс, – говорю я ей, проводя пальцем по бледной щеке. – Вокруг опасность.

Указываю на притаившихся существ, которые даже сейчас наблюдают за нами: серповидный клюв, снежные кошки и тот грызун в перьях, который будет ее обедом. Шорши тре-

буется пара мгновений, чтобы увидеть существ, сливающихся со снегом. Но как только она их видит, ее глаза расширяются от ужаса, и она бросает на меня еще один испуганный взгляд.

– Ты останешься здесь, – говорю я ей. – Я найду что-нибудь поесть.

Она что-то бормочет на своем языке.

– *Вт чрт, эт твои огрмн, не бросй мя!*

– Все будет хорошо, – успокаиваю я ее и плотнее закутываю в накидку. В ответ она тянется за одним из моих ножей с вопросом в глазах. Киваю и отдаю мой самодельный нож с костяной ручкой. Теперь у нее есть защита.

Очевидно, Шорши чувствует себя лучше с ножом в руке. Она присаживается на камень и кивает мне. Снова провожу пальцами по ее холодной гладкой коже, а затем достаю все необходимое из рюкзака. У меня в руке несколько камней, я кладу один в мешочек на веревке, затем вращаю им в воздухе, пока прицеливаюсь. Мои руки напрягаются, я запускаю камень и с удовольствием наблюдаю, как грызун, дернувшись от удара, падает на землю.

Подхожу к нему прежде, чем он успевает прийти в себя, и перерезаю горло одним движением ножа. Затем я делаю разрез на шее, чтобы слить кровь, и еще один на животе, чтобы выпотрошить. Я приберегаю сердце и другие лакомые кусочки для своей девушки, а затем оставляю кровавый след для снежных кошек, но они не выйдут из укрытия, пока чу-

ют меня. У них долгая память, и им не нравится вкус плоти са-кхуйи, мы – горькая пища.

Возвращаюсь с добычей и показываю ее своей дрожащей подруге. Она морщит нос и бросает на меня растерянный взгляд.

– Тебе раньше не приходилось встречать пернатых грызунов, не так ли? – Мне приятно с ней разговаривать. Я кладу добычу на холодный камень рядом с ней и замечаю, что она вздрагивает. – Он мертв, мой милый резонанс. Смотри, я приберег для тебя самые лакомые кусочки. – Я приоткрываю разрез на животе и показываю сердце и печень. Они все еще теплые, хотя в такую погоду быстро остынут и будут не такими вкусными. – Мы достанем тебе накидку побольше. В этом районе водятся пушистые *двисти*, из которых также получится отличный обед.

Шорши безучастно смотрит на добычу, затем указывает на нее.

– Ты ожди, чт я бду эт сть?

Неужели она не знакома с этой едой? Она достаточно легко согласилась на дорожный паек. Я вытаскиваю сердце и подношу его к ее губам.

– Вот, попробуй.

Она чуть не падает с валуна, отступая назад.

– Ни зит н свете!

Она указывает на еду, зажатую между моими пальцами.

– Рди бга, пджрь эт!

Я наклоняю к ней голову.

– В чем дело? Что ты говоришь?

Она имитирует жест, протягивая руки, как над огнем, затем указывает на еду.

– *Гооонь*, – говорит она. – *Пджерь!*

На этот раз я искривляю губы.

– Ты хочешь поджечь еду? Неужели ты не понимаешь, что это такое?

Бросаю сердце в рот и жую, чтобы показать ей. Ароматная кровь, горячая и сладкая, разливается по моему рту.

Она морщится и жестом велит мне убрать грызуна.

– *О бж, ужс*.

– Ешь, – строго говорю я ей. Она слишком слаба, чтобы быть разборчивой в еде. – Я подожгу его для тебя позже, если захочешь, но сейчас ты должна поесть.

Срезаю еще один кусок мяса, протягиваю ей и заставляю взять, игнорируя тот факт, что она снова издает хрипящий звук.

– Ешь, чтобы набраться сил до конца дня.

Она качает головой.

Демонстративно откусываю кусочек, а затем жестами настаиваю, чтобы она тоже откусила. У нее урчит в животе, и на лице появляется страдальческое выражение.

– *Ндсь, чт на вкс кк суши*.

Шорши корчит гримасу, а затем жует.

Я доволен. Она, конечно же, нет, но по крайней мере мне

удается ее покормить. Раз ей не нравятся эти вкусные внутренние органы, я съедаю их, не обращая внимания на ее тихие возгласы, потому что хороший охотник не тратит мясо впустую. Отрезаю самые вкусные кусочки мяса и скармливаю их ей, она все время протестует, но ее живот все-таки наполняется. Она выпивает всю мою воду, а затем показывает, что все еще хочет пить.

Киваю. Одно дело сделано. Забота о Шорши на такой опасной территории требует особой осторожности. Последнее, чего я хочу, – чтобы она столкнулась со снежной кошкой возле ее логова или, что еще хуже, со стаей охотящихся метлаков. Я должен тщательно оберегать ее и не выпускать из виду. Это будет означать медленную охоту и еще более медленное возвращение в племенные пещеры, но я готов сделать все, что потребуется.

– Пойдем, – говорю я Шорши, подвешивая добычу к поясу, чтобы мясо могло замерзнуть на холоде и быть съеденным позже. Подаю ей руку, помогая слезть со скалы. Она забирается мне на спину, и я снова понимаю, какая она маленькая и хрупкая, почти ничего не весит. Это нехорошо. Даже самый худощавый из моих товарищей по племени может сломать ее, как веточку. Это пробуждает во мне защитный инстинкт, и я борюсь с желанием зарычать при этой мысли.

Шорши будет в безопасности, чего бы это ни стоило.

Какое-то время мы бредем по снегу, и я рад видеть, что Шорши спокойно наблюдает за окружающим миром. Она не

привлекает к нам внимания, не жалуется и не требует большего на своем странном языке, не задает вопросов, когда я отламываю ветку от ближайшего дерева и заметаю наши следы. Она молчаливый наблюдатель.

Но я все еще обеспокоен тем, что она не знает, как постоять за себя. Ее просьба разжечь огонь залегла в моем подсознании и беспокоит меня. Я нахожу незамерзший ручей, подогреваемый землей. Несмотря на запах гнили, вкус воды будет достаточно приятным, а тепло благотворно подействует на уставшие мышцы. К тому же это послужит проверкой для моей Шорши. Некоторые вещи о дикой природе знает даже ребенок, но, я боюсь, ей они неизвестны.

И действительно, она доверчиво бежит к ручью, подходит слишком близко. Все понятно. Хватаю ее за руку, и она вскрикивает от боли.

Я мгновенно смущаюсь собственной силы.

– Шорши?

Если я причинил боль своей половинке, я себя возненавижу. Мое кхуйи, кажется, пошатнулось в груди в знак согласия.

– *Вс в прдке*, – говорит она, тяжело дыша, затем морщится и протягивает руку. – *Эт псле ктстрфы*.

Беру ее маленькую ручку в свою, она доверчиво позволяет мне осмотреть ее. Рука в синяках, плоть распухла. Она ранена, а я даже не знал этого. Я злюсь на себя за то, что упустил нечто столь очевидное.

– Мне очень жаль, моя Шорши. Я больше не буду таким беспечным.

Отвожу ее от ручья и оглядываюсь в поисках чего-нибудь, чем можно было бы перевязать ей запястье. Похлопываю себя по одежде в поисках ненужного куска ткани, но Шорши смеется и качает головой. Она бормочет что-то и указывает на воду, как бы говоря, что хочет пить больше, чем возиться с рукой.

Ну хорошо, значит, я покажу ей, как пить. Оглядываюсь и нахожу сломанную палку возле дерева. Беру ее и делаю знак Шорши, чтобы она наблюдала. Затем подхожу как можно ближе и бросаю палку в воду.

Долгое время ничего не происходит, затем вода бурлит от внутренней активности. Шорши ахает, когда обитающая в воде рыба-клык нападает на палку. Ее удивление пугает меня. Наша местность небезопасна большую часть года, но даже маленькие дети знают, что вонючие теплые ручьи кишат опасными существами. Рыба-клык может содрать плоть с взрослого двести в считанные секунды. Шорши погибла бы прежде, чем я успел моргнуть.

Эта мысль заставляет меня прижать ее к себе. Она дрожит и в ужасе придвигается ближе.

– Смотри, – говорю я ей.

– Смотри, – повторяет она, глядя на меня огромными бледными глазами, которые не излучают свет кхуйи. Они напоминают мне о ее уязвимости, хрупкости. Это надо испра-

вить в самое ближайшее время.

Достаю свою дорожную сумку (ни один охотник не покинет племенных пещер без нее), нащупываю несколько красных снежных ягод, которые растут в избытке в это время года, разминаю их пальцами, смешиваю сок с горстью утрамбованного снега и бросаю все это в ручей. Затем снова поворачиваюсь к Шорши.

– Смотри.

Она наблюдает, ее лицо сосредоточено. Я вижу ее удивление, когда вода начинает дрожать, и стая опасных рыб уплывает вверх по течению, спасаясь от ягодного запаха, который они так ненавидят.

– Им не нравится сок, – говорю я ей. – Они не вернутся сюда, пока луны снова не зайдут за горизонт. Теперь мы можем попить.

Она с любопытством смотрит на меня. Я подхожу к воде и наполняю свою фляжку, затем делаю знак Шорши, что она может пить воду прямо из ручья.

– *Вс в прдке?* – осторожно спрашивает она. – *Мострв нт?*

Киваю в ответ на какую-то белиберду, которую она говорит, и снова пью, затем умываю лицо пригоршней воды.

Это привлекает ее внимание.

– *Помться?* – спрашивает она, дергая меня за жилет. Теперь я вижу, что все это время она сжимала в руке мой костяной нож, без сомнения, испугавшись рыбы-клыка. Но ее взгляд устремлен на мое лицо, и она повторяет жест, сделан-

ный мной минуту назад. – *Помться?*

– Да, ты можешь искупаться, – говорю я, забирая у нее нож, прежде чем она поранится. Вместо него я протягиваю ей еще несколько ягод. Их запах не нравится живущим в ручье рыбам, а еще они служат отличным мылом. Я показываю, что Шорши может намылиться ими, и она выглядит взволнованной.

– *Вектал, помться?* – спрашивает она, затем выдает еще один бессмысленный поток слогов, прежде чем повторить те же слова и изобразить купание. – *Вектал, помться?*

– Ты боишься войти в ручей одна, мой резонанс? – Я поддразниваю. – Может, мне встать выше по течению, чтобы рыба-клык набросилась на меня прежде, чем доберется до тебя?

Она слегка качает головой, показывая, что не понимает, но на ее лице появляется взволнованная улыбка.

– *Помться?* – снова спрашивает она.

Киваю и начинаю снимать свою одежду, предвкушая, как вымою свою девушку. Я наблюдаю за ее изящными формами, когда она освобождается от своей странной кожаной одежды. Впервые замечаю, что ее одежда покрыта пятнами и воняет потрохами. Я был так очарован Шорши, что не обратил ни малейшего внимания на то, что она грязная. Неудивительно, что она так взволнована мыслью о купании.

Мой сладкий резонанс болтает без умолку, дрожа и потирая руки, пока раздевается догола. Как и на руках, на ее

крошечных ступнях слишком много пальцев и они странной формы, но я не обращаю на это внимания. Я люблю каждый миллиметр ее странного тела, даже если у нее нет шерсти и хвоста. Мое кхуйи начинает резонировать от удовольствия при виде нее, и сняв одежду, я направляюсь к воде.

– *Нчво сбе*, – выдыхает она, все еще стоя на берегу и глядя на мой пах. Довольный ее вниманием, я потягиваюсь и потираю рукой живот. Мой член твердеет под ее пристальным взглядом, а тело наполняется резонансом. Так Шорши инициирует спаривание?

– Тогда иди ко мне, моя половинка. – Жестом приглашаю ее подойти. – Я удовлетворю все твои потребности.

Джорджи

Выражение «большой как у коня» никогда не было настолько актуально, как сейчас.

Стараюсь не пялиться, но не выходит.

Я могу смириться с клыками, хвостом, голубовато-серой кожей, похожей на замшу. Черт, мне даже нравятся рога, которые выются вокруг его головы, образуя нечто наподобие короны.

И я говорю себе, что должна была догадаться, что у чувака ростом больше двух метров будет огромный член, соответствующий его размерам. Я *почти* готова к этому. Но видя, как его член увеличивается, я инстинктивно сжимаю ноги.

Я не готова к гребням. У него чертовы гребешки на члене!

Точно так же, как на груди, лбу и руках, у него есть ребристые выступы на верхней части члена. Его очень большого, очень толстого члена. Один выступ у самого основания похож на рог, но тупой на конце, не острый. Просто чудеса какие-то. Итого: мы имеем огромный ребристый член с выступом примерно в два сантиметра.

Чувствую себя победителем в инопланетной лотерее. Рога? Есть! Хвост? Есть! Невероятный член? Есть, есть, есть!

Поскольку я пристально смотрю, Вектал бросает на меня томные взгляды, как будто подначивая прикоснуться к его члену.

И... да, мне немного любопытно, как все это оборудован-
ие будет ощущаться внутри, но меня сейчас больше интере-
сует купание, чем игра «спрячь сосиску». Я смотрю, как
он стоит по бедра в воде, скрестив большие руки на груди.

Верно, моя очередь. Я все еще побаиваюсь рыб, которых
видела недавно, но если Вектал в воде, наверное, опасности
нет. Дрожа от холода, я подхожу поближе к тому месту, где
он находится. Нужно либо залезть к нему в чертову воду,
либо снова одеться.

Смотрю на свою грязную одежду и решаю залезть в воду.
Я все еще чувствую запахи крови и пережитого ужаса, кото-
рые прилипли ко мне, и отчаянно хочу очиститься, поэтому
совершаю прыжок веры и оказываюсь в воде.

От воды пахнет тухлыми яйцами. Я слышала, именно так
пахнут подземные горячие источники, но мне все равно. Во-
да теплая, как в ванне, и, учитывая, что снаружи снег и ужас-
ный холод, мне это нравится. Когда вода касается моих ко-
нечностей, я постанываю, а затем погружаюсь глубже, оку-
ная все тело в горячую воду.

Это потрясающе. Прямо сейчас я бы могла расцеловать
Вектала за то, что он привел меня сюда, прогнал страшную
рыбу и все такое. Я обливаю водой и растираю свои руки,
чтобы избавиться от неприятного запаха последних десяти
дней плена.

Вектал подходит ближе. Он что-то говорит, затем протя-
гивает ягоды, показывая, что я должна раздавить их и вте-

реть в себя сок. Возможно, я недостаточно расторопна, потому что он сам берет ягоды и выдавливает сок мне на плечи, а затем втирает его в меня своими большими руками.

Сначала я напрягаюсь, но его прикосновения деловиты, как будто он понимает, что мне просто хочется помыться, а не дурачиться. Хотя огромная эрекция Вектала намекает на обратное. И это вроде как... мило. Он прикасается ко мне не для того, чтобы облапать, а чтобы показать, как пользоваться мылом. Растираю странную, но приятно пахнущую фруктами пену по рукам и ногам, а когда он зачерпывает ее и начинает мыть мои волосы, я издаю стон удовольствия.

Никогда еще мне не было так приятно быть чистой.

Слышу его неровное дыхание и как в его груди снова зарождается вибрирующее мурлыканье. Он что-то бормочет хриплым голосом, но все, что он делает при этом – моет мои волосы. Никаких требовательных или настойчивых прикосновений. Просто удовольствие для меня.

На самом деле, если не считать, что он шокировал меня приветственным оральным сексом, он довольно мил. Все, что он делал, было для того чтобы доставить мне удовольствие и угодить, сейчас я понимаю это. Возможно, во мне говорит стокгольмский синдром, а возможно, все дело в том, что с Векталом я чувствую себя в безопасности, безопаснее, чем когда-либо за последние две недели, но я не возражаю против его прикосновений.

Я не могу смотреть на него, пока я... мы... купаемся. Мои

щеки горят, потому что время от времени он наклоняется ближе и упирается в меня своим огромным членом, и это порождает во мне грязные мысли. Мысли о его губах на моей киске, о его коже, похожей на замшу, о его тепле и интригующем запахе.

– Шорши, – шепчет он, пока его руки ласкают мою голову.

– Джорджи, – поправляю я его. В его языке, должно быть, нет звука «дж», потому что он произносит его невнятно.

– Шорджи, – пытается он.

– Джорджи, – подсказываю я.

– Ш-ш-ш-ш-ш... – начинает он, затем останавливается и пытается снова. – Корджи.

Я хихикаю. Корджи? Не совсем. Поворачиваюсь и указываю на свой рот, чтобы показать ему, как двигать языком.

– Джорджи.

Его пальцы ласково касаются моих губ.

– Жорже. – Затем он пытается снова. – Джорджи-и.

– Очень хорошо, – говорю я мягко. Только сейчас я поняла, что обнажена и практически прижимаюсь к нему.

– Джорджи, – повторяет он, мурлыча мое имя. Затем он берет мою руку и кладет себе на грудь, урча как кот. – Джорджи *са-акх* Вектал.

То, как он это говорит, прижимая мою руку к себе, заставляет меня думать, что это имеет для него большее значение, чем я могу себе представить. Он смотрит на меня пристально и напряженно, будто ждет ответа.

Он инопланетянин. Я напоминаю себе об этом, даже когда мне приходит в голову мысль, что можно убедить его помочь мне, помочь нам сбежать от других инопланетян. Похитителей, которые хотят нас продать.

Я понимаю, что это должен быть многоуровневый план. Планета Вектала чертовски холодна, и, судя по его снаряжению, местные еще живут в каменном веке. Но я отказываюсь терять надежду. Понятно, что маленькие зеленые человечки или баскетбольные головы никогда не вернут нас домой. Для них мы скот.

Вектал – лучший вариант.

Может быть, я немного играю на его чувствах, когда ласкаю пальцами его грудь. Мои пальцы замерзли на морозном воздухе, а соски затвердели, я намеренно прижимаюсь к нему, позволяя ощутить мое тело. Облизываю губы, смотрю в эти сияющие голубые глаза и указываю на горный склон вдалеке, где, как я знаю, много девушек (половина из которых в капсулах) ждут спасения, пока я принимаю ванну с местным жителем.

– Поможешь мне добраться до склона горы?

Он гладит мое лицо, в его взгляде вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.